

АНДРЕЙ ВОРОНИН

КОМБАТ.
КРАТКИЙ МИГ
ПОКОЯ

Андрей Николаевич Воронин
Комбат. Краткий миг покоя
Серия «Комбат»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64347522
Комбат. Краткий миг покоя: Харвест; Минск; 2008
ISBN 978-985-14-1488-4

Аннотация

В жизни Бориса Рублева наконец-то наступают счастливые перемены – он женится. Однако судьба не дает Комбату насладиться уютом семейного очага. Он по-прежнему верен своему кодексу чести. Но происходит непоправимое...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	36
Глава 3	61
Глава 4	87
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Андрей Воронин

Комбат. Краткий миг покоя

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2006

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

* * *

Пролог

За спиной Рублева громко звякнули, закрываясь, двери камеры. Он невольно поежился – нет, решительно невозможно привыкнуть к таким звукам за спиной. Хорошо, что на ближайшее время повторов не предвидится.

Он прошел к стойке, где получил свои вещи, отнятые при задержании. Просмотрел, убедился, что все на месте. Застегнул на левом запястье ремешок часов. Сунул бумажник в карман. Кивнул меланхоличному сержанту за стойкой и проследовал по коридору к выходу.

Он остановился на крыльце, прищурившись на солнце. Вдохнул воздух, наслаждаясь запахом моря, пыли и свежести – того, чего ему так не хватало в камере три дня, в течение которых он был задержан.

Француз сдержал свое слово – обвинение Борису не предъявляли, подозрения были сняты. Его продержали под арестом ровно столько времени, сколько нужно было для проверки представленных фактов. Ну и, вероятнее всего, Женере надавил на какие-то рычаги, чтоб государственная машина ворочалась быстрее.

Пиликнул клаксон. Борис не обратил внимания. Звук повторился. Комбат повернулся и увидел машину, из которой выглядывала очень знакомая физиономия.

– Привет, Александр, – сказал Рублев, подходя и протя-

нув руку.

Бывший «солдат», а ныне правая рука французского бизнесмена чинно ответил на рукопожатие и кивнул на машину:

– Садись, Борис.

Рублев открыл заднюю дверцу и устроился на сиденье возле Женере. Тот улыбнулся:

– Ну вот и все. Закончилась эта глупая эпопея.

– Наконец-то. Я очень рад, – искренне сказал Рублев.

Женере хлопнул Александра по плечу. Тот двинул машину с места. Француз некоторое время молча смотрел в окно, потом сказал:

– Тебе надо уезжать отсюда. Как бы там ни было, но никто не станет тебя терпеть в Сочи сейчас. Даже с поправкой на то, что ты все-таки не оказался злодеем. Герои – они несколько не менее разрушительны и могут рассчитывать на любовь к себе только в кино.

– Я знаю, – пожал плечами Борис. – Мне примерно то же самое сказал следователь. Только в более «доходчивой» форме.

Женере рассмеялся, представив себе, в какой именно форме подавалась информация.

– Да нет, без рук, – пояснил Комбат. – Это же не тогда говорили, когда меня только что задержали, нет. Это буквально вчера, когда уже было понятно, что отпустят.

– Так вот, послушай умных людей и вали отсюда подальше. И желательно, чтоб тебя некоторое время вообще нигде

не было видно. Ты же понимаешь, что истории подобного рода просто так не кончаются?

– Угу, – мрачно ответил Рублев.

Тут и правда стоило задуматься. Истории, завязанные на большие деньги, никогда не имеют положительного исхода. Да и те, кто эти деньги потерял, не склонны прощать убытков. Если кто-то далеко отсюда решит, что Борис должен ответить, то ему не поможет никакая конспирация. Но, с другой стороны, если он просто пропадет из виду, меньше будет поводов вспоминать, что где-то есть человек, ставивший палки в колеса богатым коммерсантам.

– Значит, делаешь так: возвращаешься в Москву – и попадаешь бесследно. Вот, это тебе премиальные от нашей фирмы, – француз залез во внутренний карман пиджака и извлек оттуда конверт – по виду совсем тоненький. – Загляни.

Борис взял, заглянул. Там лежала пластиковая карточка.

– У нас на дворе век высоких технологий, так что не будем заниматься чеками и купюрами. Здесь – счет на предъявителя с некоторой суммой денег. Код от карточки – вместе с ней, на бумажке. Снимай деньги с этого счета, переводи куда вздумается... они твои.

– Интересно. А за что мне это? Я, кажется, на вас работать не нанимался.

– Но вы помогли, причем весьма существенно. Думаю, будет очень несправедливо обделить вознаграждением такого

человека.

Покачав головой в знак того, что оставляет это целиком на совести француза, Комбат положил конверт с вознаграждением во внутренний карман пиджака. Деньги никогда не бывают лишними. Он-то сейчас не бедствует, но предстоит большая возня с переездами.

Они приехали в гостиницу. Рублев вылез из машины, коротко махнул рукой, прощаясь с теми двумя, кто в ней сидел, кто в недавнем прошлом был его соратником. В ответ раздался сигнал клаксона.

Борис вошел в разгромленное фойе. Сейчас, после того, как отсюда вывели весь мусор и начались восстановительные работы, оно не казалось чем-то страшным и не производило впечатления помещения, ставшего жертвой мировой войны. Но запах дыма все еще оставался и царапал горло. Комбат подумал, что его-то как раз выветрят не скоро. Сквозь самую вонючую краску, сквозь дорогие освежители воздуха – сквозь все это будет пробиваться неистребимый горький привкус гари. И вместе с гарью в холле будет присутствовать привкус страха и боли.

От администраторской стойки неторопливо и внушительно, словно айсберг на «Титаник», надвинулся охранник. На его лице было презрительное выражение. Все правильно – героев никто не любит. Даже тех, кто на самом деле помог и выручил. Таких не любят просто на всякий случай.

– Вы чего-то хотели? – холодно спросил охранник.

– Вещи забрать, – невозмутимо ответил Борис. – Я уезжаю.

Охранник неприязненно пожевал губами и посторонился, как бы признавая, что на свои вещи Рублев имеет право.

– У вас пятнадцать минут, – сказал охранник.

Борис неожиданно почувствовал раздражение.

– И что потом? – холодно спросил он, развернувшись и посмотрев на охранника в упор.

Тот попятился. Он почувствовал себя примерно так же, как муха, приколотая к листу бумаги.

– Ну...

– Я буду столько, сколько мне понадобится, – констатировал Борис и прошел к себе на этаж.

Испуганная горничная открыла ему опечатанный номер после того, как Комбат показал ей бумагу из милиции. Он собрался, закинул сумку на плечо и пошел вниз. Охранник проводил его взглядом, от которого у Рублева стала чесаться спина.

Сочи больше не казался Рублеву красивым и доброжелательным городом...

* * *

Он вернулся в Москву, приехал домой, сел на кровать и только теперь понял, чего ему не хватало последние две недели. Не хватало ощущения, что все идет и развивается в

нужную сторону.

Да... Со стабильностью в последние годы было сложно. Вроде уже и привык, что какими-то высшими законами в неведомых книгах прописано: не видать тебе, Рублев, мирной жизни как своих ушей! А все равно обидно и невесело.

Борис подошел к окну, стал смотреть на Москву, расстилавшуюся под окнами. Нет, это все-таки муравейник, никак не приспособленный для того, чтобы здесь жить нормальной, размеренной жизнью. Жизнь москвича, так или иначе, подчинена совсем иному ритму, нежели существование провинциала.

И тут Борис ощутил, как остро укололо где-то в левой части грудины. Он еще успел удивиться: с чего бы вдруг начало барахлить доселе безотказное сердце. Он сел на ковер около окна и попытался отдышаться. Но боль нарастала, копилась внутри, превращалась в шевелящийся, колющий сгусток.

Он вытащил мобильный телефон и набрал номер Скорой помощи. Невозмутимая диспетчерша сказала, что машина будет через пять минут. Борис повесил трубку и медленно, по стеночке, добрался до двери. Он надеялся, что не окажется так, что он окачурится в собственной прихожей.

«Скорая» приехала даже чуть раньше, чем было сказано. По лестнице протопали ноги, в квартире стало как-то тесно, и Борис с чистой совестью позволил себе потерять сознание.

Очнулся он в больнице. Судя по виду – в самой обыкновенной палате. Это было хорошо. Значит, не произошло ни-

чего серьезного, он не проваляется здесь несколько месяцев. Но все равно: вот ведь скрутило!

Он попробовал встать. Кажется, это было возможно: внутри грудной клетки больше ничего не дергалось, не мешало.

В палату вошел пожилой невысокий мужчина с внешностью доктора Айболита. Он пристально поглядел на Рублева и подсел к кровати.

– Ну, как самочувствие? – спросил Айболит.

– Вроде нормально. А что со мной было?

Доктор покачал головой.

– Легкий сердечный приступ. Но вы не бойтесь – с вашим мотором все в порядке. Просто вы, наверное, очень много работали в последнее время. Слишком много, – доктор сделал особый упор на слове «слишком».

– Ну, было в общем-то... – уклончиво ответил Рублев.

– Вот именно. Знаете, людям свойственно уставать. И когда организм работает на пределе – начинаются сбои. Это ведь механизм, и если с ним не все в порядке – он барахлит. Вот и ваш механизм барахлит тоже. В общем, я вас тут продержу до завтра, а завтра выпишу под честное слово, что вы организуете себе отпуск.

– Да, обязательно организую, – Комбат говорил это не столько врачу, сколько себе...

Глава 1

Первую ночь они провели в машине. Игорь, как старший и более авторитетный, завалился на заднее сиденье. Андрею пришлось как-то размещаться на передних. Самым непростым в таком деле оказалось не замечать рычаг переключения передач. Он в «вольво» хоть и небольшой, но мешает.

Наутро Игорь сел за руль первым.

– Перелазь назад, поспи нормально. Я пока что поведу, – сказал он.

– Блин, телепаемся по каким-то захолустьям, – проворчал молодой и чрезмерно импульсивный Андрей.

Игорь назидательно поднял указательный палец.

– По всем главным трассам наверняка пикеты. Ты же не забывай, мы не сувенирный киоск взяли! Давай, если ты торопишься, поедem быстрее. И попадемся на первом же посту.

Андрей потер ладонью свою большую круглую голову. Он недавно подстригся под «ноль», и отросшая щетина громко шуршала под пальцами.

– Да ладно, – примирительно ответил он. – Я же не про то говорю. Просто опять будем в тачке спать?

– Придумаем что-нибудь, день длинный, – ответил Игорь.

Он завел мотор и вывел «вольво» на дорогу. Ох, русские дороги! По любым меркам – экстрим. Вот и сейчас. Вроде бы не грунтовка. Асфальтированная, на карте значится как

дорога областного значения. А на деле толку от этой дороги – как с козла молока! Извилистая, в рытвинах и колдобинах. Может, на грунтовке бы не так было, там ямы быстро развоятся до состояния вполне пологих ухабов. А тут как тряхнет, как бросит! Того и гляди, оторвется что-нибудь внутри.

Машина, по счастью, была достаточно неприметная, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Хотя, конечно, детище шведского автомобилестроения не так уж и часто выезжает на провинциальные дороги, но модель все равно старая. А еще и грязная, как черт.

– Нам ехать еще дня три с такими темпами, – сказал Игорь. – А то и все четыре. Ничего, я думаю, сегодня ночью мы поспим по-человечески...

Андрей проворчал на это что-то неразборчивое.

За день они проехали километров пятьдесят. Это было ничтожно мало, но с учетом того, что творилось в Подмоскowie, очень даже неплохо. Милицейские патрули стояли даже на некоторых второстепенных дорогах, их тоже приходилось объезжать. Это тормозило процесс движения и нервировало.

Около семи вечера Игорь глазам не поверил, увидев слева от дороги вывеску: «Гостиница».

Это заведение располагалось в двухэтажном коттедже довольно неприятного облика – просто кирпичной коробке с окнами.

– Вот здесь и остановимся, – сказал Игорь.

– Интересно, откуда она здесь? – удивился Андрей.

– Мне больше интересно для чего, – пожал плечами Игорь.

Они заехали на маленькую стоянку около здания. Вышли из машины, заперли дверцы. Андрей снова прошуршал ладонью по своей щетинистой макушке.

– Отстой, – проворчал он.

Да, эстетической насыщенностью округа не блистала. С одной стороны дороги торчала неровная лесозащитная полоса – корявые елки в три ряда, темные и уродливые. Будто бы здесь не тихое место, а настоящее федеральное шоссе, по которому ходит масса машин, и несчастные деревья просто задыхаются. За этими деревьями расстилалось здоровенное поле, пока еще невесть чем засеянное – сквозь темную апрельскую землю только начали пробиваться зеленые ростки. Где-то в трехстах метрах от гостиницы начиналась не то большая деревня, не то поселок городского типа. Белела вывеска с названием, но, естественно, отсюда ее было не прочитать.

– Не Рио-де-Жанейро, – усмехнулся в ответ Игорь. – Пошли спросим, как у них тут с местами на ночь.

В холле гостиницы неистребимо воняло краской. В помещении плавал запах, словно невидимый и густой химический кисель.

Администраторская стойка представляла собой письменный стол с распечатанной на компьютере бумажкой. Самого компьютера не было – может, стоял в другой комнате, а ско-

рее всего табличку вообще делали не здесь.

За столом сидела монументальная тетка с рыжими буклями. Она читала что-то старое и пухлое, явно прошедшее не один десяток рук. Судя по умильному выражению на бульдожем лице, это могли быть либо Библия, либо дамский роман. Скорее второе – на Библию книга не тянула чисто внешне – виднелся дешевенький целлофан обложки и печать на страницах располагалась в одну колонку.

Если тетка и обратила внимание на вошедших, то сделала это автоматически – взглядом, а не поворотом головы. Пока Игорь и Андрей осматривались, она успела перевернуть страницу.

– Здравствуйте, – сказал Игорь. – У нас тут машина немного забарахлила. Можно здесь остановиться? Пока будем чинить – уже стемнеет.

Тетка неторопливо заложила книгу потрепанной закладкой с нарисованным дятлом, положила ее перед собой, а на нее руки и ответила:

– Нет.

– А почему? – удивился Игорь. Ему не показалось, что заведение испытывает аншлаг.

– Потому что гостиница ведомственная. Не для всех, а для работников.

Андрей спросил:

– А для каких работников?

– Для энергетиков.

На кой черт в таком захолустье была гостиница энергетиков – непонятно. И почему энергетиков? Не похоже, чтобы здесь поблизости была хоть какая-то электростанция.

– Ну поймите вы нас! – воскликнул Игорь. – Машина совсем ехать отказывается. Нам что, посреди леса ночевать?

– А мне какое дело, что ваша машина разваливается? Я вам что, ремонтировать ее должна?

– Зачем вы? Мы сами отремонтируем! Поздно ведь уже.

– Надо ехать на исправной машине! – в тоне этой жирной бабы проскочила насмешка.

– Если что, вы не бойтесь – деньги у нас есть! – сказал Игорь.

Тетка задумалась, и Игорь стал потихоньку давить.

– Ну нам только до утра!

– Хорошо! – царственно и внушительно заявила тетка. – Только до завтра в виде исключения!

– Конечно! – вскинул ладони в примирительном жесте Игорь.

Администраторша достала из стола толстую засаленную конторскую книгу. Видимо, это было нечто вроде журнала регистрации.

– Семьсот рублей с человека! – сказала она.

Игорь улыбнулся максимально обаятельно:

– А давайте без бумажек!

– Тогда – пятьсот! – сразу повеселела администраторша.

Игорь и Андрей переглянулись. Ну что же, такой вариант

развития событий их устраивал значительно в большей степени. Как говорится, и рыбку съесть, и на пенек сесть.

Они молча отсчитали деньги. Конечно, сумма была несуразной для такого захолустья, но очень хотелось заночевать где-то по-нормальному, а не так, как сегодня.

– Только учтите: если вдруг приедут рабочие – я вас выселю! – победным тоном заявила администраторша, как бы подчеркивая, что уж ее-то никакими деньгами не купить! Игорь рассеянно кивнул.

Ключи от комнаты были приделаны проволокой на ключ для открывания бутылок.

– Хорошее изобретение! – одобрил Андрей.

Администраторша, зыркнув исподлобья, неприветливо сообщила:

– Это чтобы об мебель не открывали. А то ж она царапанная потом!..

Номер был двухместным двухкомнатным, с душем и туалетом. В комнате побольше стояли две кровати и две тумбочки. В той, что поменьше, – диван, кресло и стол. Была еще тумбочка под телевизор. Правда, без телевизора. И – обрывок телефонного шнура: аппарат явно выдирали с мясом.

– Гадюшник... – проворчал Андрей. – Но хоть не в машине дрыхнуть... Ты заценил, какая она сука?

– И не говори, – устало вздохнул Игорь, садясь на койку. Койка заскрипела и взвыла – это было чудовищное панцирное сооружение невесть каких времен, несколько облагоро-

женное при помощи деревянных спинок.

Андрей поморщился.

Игорь немного покачался на койке, оглашая комнату резким скрипом, и сказал:

– Надо бы в машине покопаться для виду!

– Почему для виду? – оживился Андрей, – У нее там в движке подтекает. Я заодно и починю.

– Ну давай, – кивнул Игорь. – Помощь нужна?

– Да ты же все равно в машинах ни ухом ни рылом! Сиди отдыхай!

– Сесть, Андрюшенька, я всегда успею. Не торопи. И сам не торопись.

– Я и не тороплюсь, – пожал плечами Андрей.

Следующие три часа он провел, копаясь в двигателе машины. Работы там было немного, и была она не срочной. Но в их ситуации лучше не халтурить, а честно все починить. Упаси господи, придется рвать когти по-настоящему!

Вечером они принесли из машины припасы и стали есть, запивая бутерброды чаем. Кипятильник с собой был, розетки в номере работали нормально, стаканы тоже наличествовали, причем не два, а четыре! Может, все-таки здесь иногда появляются эти непонятные энергетики, и тогда, наверное, начинается пьянка. Потому что не способны русские рабочие обойтись без возлияния.

Хотелось, конечно, сходить в магазин, закупить чего-то посвежее, но не стоило так нагло подставляться. Про них

ведь, вполне возможно, и в средствах массовой информации наговорили! Так что надо сидеть и не высовываться.

Легли рано. Что такое для городского человека завалиться на боковую в полдвенадцатого ночи? Смешно! Но с другой стороны, и усталость еще вчерашняя не прошла, и уматывать отсюда надо пораньше.

Ночь прошла спокойно – не появилось никаких энергетиков, не возникла в дверях администраторша с побудкой и разгоном. И ментов не было, хотя вот как раз этим точно неоткуда взяться. В нашей стране и телевидение инертное, и народ не тот, чтобы сидеть у окна, присматриваясь, не идет ли поблизости кто-то такой, кто находится в розыске.

Утром Игорь умылся, подождал, пока приведет себя в порядок Андрей, и сказал:

– Наверное, надо с ней разбираться! Что-то не греет меня перспектива такой свидетельницы!

– Да и меня тоже, – признался Андрей. – Хотя неохота пачкаться...

– Да ладно! Когда охранника замочили – ничего. А тут – просто жирная дура.

– Охранник, между прочим, тоже успел неприятности устроить! Но он-то хоть мужик был... И с оружием.

Игорь нахмурился.

– У тебя есть предложения получше?

– Нету. Да и вообще, я сам понимаю, что надо разбираться, но сейчас как-то все не так, как в прошлый раз.

Игорь покачал головой и ничего не сказал. Нет, он не утверждал, что Андрей сломался, что с ним не все ладно... Этот парень – железный, он никогда не подведет. Хотя бы потому, что все еще верит в какие-то понятия и принципы воровского мира. А где они, те понятия, принципы? Хотя... пусть верит – таких лучше не переубеждать. Или провалятся при первом удобном случае, или станут такими отморозками, что придется от них избавляться.

Игорь принял решение:

– Ладно, я сам с ней разберусь.

Андрей вскинулся:

– Ты что, меня за лоха держишь?

Игорь успокаивающе вскинул руки.

– Я ни за кого тебя не держал и держать не собираюсь. Но с этой теткой я разберусь сам. А ты настройся на то, что подобное может быть еще не один раз. Хорошо? Сейчас ты на взводе, я не хочу, чтобы ты потом маялся. Соберись на будущее. Хорошо?

Андрей немного подумал и кивнул головой.

Да, пожалуй, тут его старший партнер прав. Сейчас ему не пойдет впрок такое душегубство. А потом – потом он просто привыкнет и смирится.

Игорь спокойно вытащил пистолет, проверил обойму. Достал из кармана глушитель, навернул на ствол.

– Посиди тут, – сказал он и пошел из номера.

Администраторши внизу не было. Игорь предположил,

что она просто ушла в какую-то свою комнатку и легла спать. Понятно же, что в это захоlustье никто не придет. И наверняка, если эти странные энергетика все-таки придут, об этом предупредят заранее. Набивала себе цену, жирная клуша.

Игорь осмотрелся и увидел дверь. Она была приоткрыта. Он тихонько подошел, прислушался. Из щели доносился тихий храп. Ага, вот тут она и спит! Игорь осторожно взялся за ручку, стал толкать дверь, надеясь, что громкого скрипа не будет.

Дверь не скрипела, и, когда промежуток между ней и косяком стал достаточным, он проскользнул внутрь.

В комнате стояла кушетка. Администраторша спала на ней, накрывшись пледом.

Игорь достал пистолет. Взял курок.

Говорят, что есть у людей какое-то предчувствие, которое порой заставляет повернуться, увидеть опасность. Иногда – помогает ее избежать.

Администраторша открыла глаза. Увидела Игоря. Спросонья она даже не обратила внимания на пистолет. Но вот то, что в спальне находится незнакомый мужчина, заставило ее буквально вскинуться.

Она отбросила в сторону плед, попыталась вскочить. Игорь коротко и резко ударил ее рукояткой пистолета, возвращая на место.

– Что вам от меня надо? Не трогайте меня! – испуганно и

вместе с тем возмущенно прохныкала она.

Игорь молча поднял оружие.

Администраторша увидела пистолет. Невероятно, но в первую секунду у нее на лице отразилось облегчение. Наверное, потому, что страшнее изнасилования она просто ничего не представляла. А сама возможность того, что ее убьют, не укладывалась в голове. Этот пистолет скорее всего казался ей игрушечным.

Первая эйфория миновала. И на лице у нее появилась другая, животная, обреченная паника.

Она раскрыла рот.

Игорь не хотел, чтобы его упрашивали и умоляли. Он нажал на спуск. Пуля ударила администраторшу посередине груди. На кофте появилась небольшая дыра с лохматыми краями. Крови не было.

Ее отбросило на кушетку, уложило на спину поперек. В расширившихся, округлившихся глазах Игорь увидел боль. Да, ранение в грудь – это очень больно. От него часто умирают даже тогда, когда не задеты жизненно важные органы. Просто организм не выдерживает болевого шока.

Он нажал на спуск второй раз. Отметил, что и первый-то выстрел был уже чересчур громким, а второй – почти как без глушителя. Да, железку пора менять.

Вторая пуля попала между глаз. Входное отверстие было маленьким и почти не кровоточило. А вот на стене появилась большая жирная клякса совершенно омерзительно-

го вида – красная, с белыми кусочками.

Глаза администраторши остекленели, выражение ужаса пропало. Собственно, на этой земле ей больше нечего бояться. А есть ли что-то страшное после смерти – она сейчас как раз проверяла.

Игорь осмотрелся, аккуратно поднял гильзы. Положил их в карман. Потом, по дороге, километрах в двадцати, он выбросит их в подходящую канаву. По-хорошему, надо бы и от пистолета избавляться. С некоторых пор это оружие стало чересчур засвеченным. Вот найдут эту бабу – и все, и погоня снова, можно сказать, начнет дышать в спину.

С другой стороны, совсем скоро их просто тут не будет.

Игорь повернулся и вышел из комнаты. И остолбенел: в холле стоял крупный лысый мужик в смешных семейных трусах и резиновых шлепанцах на босу ногу. Он почесывал волосатую грудь и недоумевающе пялился на Игоря, вышедшего из комнаты.

– Э! А чего ты там делал? – спросил мужик.

Игорь, еще не успевший отойти от удивления, пожал плечами.

– А что...

И тут мужик увидел пистолет.

– Я из милиции! – крикнул он. – А ну, отдавай волюну!

И он попер на Игоря, как бык на матадора.

Тот успел выстрелить, а потом в него врезалась туша, повалила на пол. От удара спиной у бандита перехватило ды-

хание. Мужик, впрочем, не пытался его задушить, схватить, и вообще он просто елозил на Игоре, будто пытаясь вплющить его в пол.

Бандит собрался с силами, оттолкнул тело, поднялся. Мужик остался на полу, держась за живот, дергаясь и раскрывая рот, словно выброшенная на берег рыба. Под ним растекалась красная лужа.

Игорю стало противно. Он добил мужика и вернулся в комнату к администраторше. Осмотрелся и увидел, что на счет милиции этот тип не врал – на стуле в углу висел форменный китель. Чертыхнувшись, Игорь пошарил по карманам. Нашел немного денег и удостоверение на имя старшего лейтенанта Метлицкого. Ясно. Здешний участковый, как пить дать. Из тех неудачников, которые за все годы после милицейской школы так и не выбиваются в люди, оставаясь провинциальными шерифами.

Это было, пожалуй, неприятным фактором. Одно дело – убивать непричастных к касте людей. Совсем другое – мента. Пусть и такого неполноценного. Ну что же, придется немного ускорить темп бегства.

Он случайно посмотрел в настенное зеркало и увидел, что сейчас ему лучше не попадаться на глаза нормальным людям. Покойный лейтенант Метлицкий основательно залил его кровищей из раны на животе. Ну ладно. Это дело поправимое – есть запасная одежда в машине.

Только придется попросить Андрея, чтобы тот подогнал

ее прямо ко входу в гостиницу.

Игорь поднялся наверх. Как и ожидалось, его внешний вид вызвал шок.

– Эй, ты в порядке? – вскочил Андрей.

– Это не моя кровь, – ответил Игорь. – Иди подгони машину к двери.

– Что случилось?

– Героизм местного участкового. Попытался меня взять голыми руками. Или просто хотел изнасиловать – не знаю. Бросился в одних трусах.

– Откуда здесь участковый? – оторопел Андрей.

– Как мне кажется, приходил к администраторше за любовью.

– Она же страшная, – ляпнул Андрей.

– У вас просто разные взгляды на красоту, – успокоил Игорь. – Для кого-то тетка была очень даже ничего. Да полно тебе, это ес – тественно для деревни. Тут на лицо не особо смотрят.

– Не хочу жить в деревне, – буркнул Андрей, завязывая шнурки кроссовок.

– Тебе и не придется, – засмеялся Игорь. – Через пару месяцев мы свалим куда-нибудь в теплые края и поселимся там, где много нормальных красивых девчонок.

– Было бы неплохо. Ладно, пойдем, – сказал Андрей.

Они спустились. Холл пришлось обходить краем – лужа крови под убитым милиционером расплылась и выглядела

так, что вообще было неясно, как в этого человека, пусть даже такого крупного и мощного, влезло столько кровищи.

– Ну ты наворочал! – уважительно произнес Андрей.

– Так он же на меня бросился! Пришлось стрелять наобум. Попал в живот. И какую-то артерию перебил, наверное.

– Не знаю, я не врач, – пожал Андрей плечами. – Может, закрыть это заведение? Найти ключ и закрыть.

– Идея неплохая, – сказал Игорь, – но некогда. Пойдем. Как мне кажется, все равно если их и найдут, то только тогда, когда мы будем уже далеко.

Игорь стоял у порога, выглядывая на улицу. Вроде серьезной причины волноваться не было. В радиусе нескольких сотен метров не было никого, кто мог бы удивиться окровавленному свитеру.

Андрей подогнал «вольво» к порогу. Игорь сел на заднее сиденье.

– Все, поехали отсюда! Я заодно переоденусь. А шмотку надо будет километров за полсотни отсюда выкинуть в какую-нибудь речку. Завернуть в нее булыжник и выкинуть. Чтобы даже случайно не нашли.

– Выкинем, – меланхолично ответил Андрей, выбирая путь между многочисленными ухабами и колдобинами.

* * *

Шелепин и Осипов друг друга не любили. Только сотру-

ничали. Правда, на деловом фронте их отношения были самыми тесными и плодотворными. Неудивительно – Осипов был очень деятельным и крутым исполнителем, а вот у Шелепина были мозги. И он умел выбрать такое дело, которое принесет хорошую прибыль.

В январе Шелепин пригласил Осипова на беседу. Григорий нутром почуял, что разговор пойдет о серьезном деле. Он прибыл сразу же, насколько это возможно в таком городе, как Москва, с его пробками и ментами.

– Здравствуй, Григорий. Садись.

Осипов посмотрел на Шелепина, собираясь выдать свое традиционное «Сесть я всегда успею!». И увидел, что шутку придется отложить – в водянистых глазах босса присутствовало то странное выражение, которое не имело описания или определения и которое появлялось только тогда, когда на уме у Эдуарда Иннокентьевича было что-то важное.

Осипов молча сел.

– Я кофе заказал нам обоим. Самому не помешает, а ты составишь компанию.

Григорий развел руками. Что еще ему оставалось?

– Ты новость слышал? – спросил Шелепин.

– Смотря какую, – развел руками Осипов. – Целый выпуск с утра.

– Эту новость по телевизору не показывали. Пока, во всяком случае. Может, и покажут.

– Что произошло?

Шелепин цыкнул зубом, выдержал паузу для нагнетания драматизма и сказал:

– Горчакова убили.

Григорию потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, о ком речь. И только потом дошло. Виктор Горчаков был одним из самых заметных и значимых «подопечных» известного криминального авторитета Юрия Романова.

Романов не был вором старой закалки, он вышел из поколения, ступившего на криминальную стезю в девяностых годах и старавшегося обойтись без непосредственного участия в познании «зоновской романтики». Романов официально владел сетью магазинов фотографических принадлежностей, а неофициально продавал свою охрану и покровительство предпринимателям рангом пониже.

В этом деле был интересный нюанс. Обычно такая продажа «охраны» очень мало чего стоит. Грубо говоря, устроить тебе неприятности все равно могут. Разница только в том, что после этого твой «охранничек» поедет перетирать по понятиям с тем, кто это сделал. И может быть, начистит тому рожу. Но ремонт и лечение все равно за твой счет.

– Кажется, теперь в Москве будет намного интереснее, – усмехнулся Осипов.

– И не говори! На почве этого веселья менты уже сейчас начинают разворачивать крупную превентивную операцию. По всей видимости, будут закрывать всех, кто в потенциале может организовать лишний материал для криминальных

хроник по ящику.

– А можно узнать, мы не относимся к числу таковых?

Шелепин покачал головой.

– Во всяком случае, мои люди в милиции и ГУБОПе ничего о таком не говорят. Да и вправду у покойного есть несколько более резких конкурентов. Я так думаю, что кто-то из них его и похоронил.

– За этим можно к гадалке не ходить. И менты, значит, намерены устроить им веселую жизнь?

Шелепин кивнул:

– В принципе, да. Но ты же понимаешь – это не так просто сделать. Далеко не на всех, кто заинтересован в смерти Горчакова, есть достаточное количество компромата. Значит, всех инцидентов не предотвратить. Хоть что-то прорвется.

Осипов отпил немного остывающего кофе и сказал:

– Вот еще вопрос: а почему не предположить, что войны вообще не будет? Допустим, Горчакова грохнули за дело. Он мог просто задолжать кому-то. Тогда, ясное дело, войны не будет.

– Ничего не ясное. Обязательно найдется кто-то молодой и смелый, который думает, что надо делиться. Но если честно, то Горчаков не производил впечатления задолжавшего кому бы то ни было. Сам прикинь. Да и кому он мог быть должен, кроме своего «покровителя»? А тому выгодно было бы не убивать его, а посадить на короткий финансовый поводок. Романов – не дурак. И не станет рубить курицу, несущую

щую золотые яйца. Значит, он ни при чем.

Осипов поставил чашку.

– На месте милиции я бы в первую очередь позаботился о том, чтобы закрыть Романова. Он с виновниками не станет церемониться.

Шелепин развел руками.

– Романов уже всюду ищет. Мои ребята говорили, что шестерки Романова крутятся по всей Москве, спрашивают, вынюхивают. Но пока так, без наездов.

– Ясно. Так, а что теперь надо сделать мне?

– Быть готовым.

– К труду и обороне?

– Не только к обороне. Знаешь, подыщи трех-четырех надежных ребят, которым можно поручить настоящее дело. Таких, чтобы и в долю можно брать и не опасаться, что они нас кинут и придется устраивать полномасштабную поисковую экспедицию. Короче, ты меня понял.

– Понял. Найду. Про цели вы мне, конечно, ничего не скажете?

– Ты прав, не скажу. Но только пока. Я еще сам не знаю, понадобятся ли нам те, кого ты найдешь. Просто хочу, чтобы они были под рукой сразу, без поисков. Понимаешь?

– Конечно.

Шелепин кивнул и отпустил Осипова.

Тот вышел на улицу, уселся в машину, опустил стекло и закурил. Ну вот, Шелепина потянуло на подвиги. Ясно, что

надежные люди ему нужны именно потому, что убить Горчаков и есть возможность хорошо погреть руки на чем-то ранее принадлежавшем покойному.

Романов такое, конечно, не одобрит. И если потом выяснит, кто виновен, — устроит много неприятностей. Правда, если выяснит.

Осипов решил пока не морочиться и просто найти людей.

Шелепин, оставшись наедине с собой, нервно закурил. В принципе, ему бояться было нечего — к ликвидации Горчакова он не имел ни малейшего отношения. Но сдуру можно попасть под раздачу в таком деле.

Правда, зная Романова, можно сказать, что беспредела этот человек не допустит, даже если заподозрит неладное. Первым делом попробует все решить, как говорится, по понятиям. Ну а если не получится — тогда начнется веселье. Отступление от этого правила может быть только в том случае, если у Романова найдутся неопровержимые улики. На своем уровне, конечно; это же не милицейское расследование! Тут не надо килограммов бумаги и нескольких свидетелей.

По всему выходило, что бояться Шелепину нечего. Но вот беда — страх накрепко сидел в крови и теле этого человека. Он настолько проник в самую сущность Эдуарда, что даже не замечался неким аномальным явлением. Более того, можно было смело говорить, что именно страх сделал Шелепина тем, кем он стал.

Началось все еще после школы, когда Шелепина пугали армией, институтом и просто тем, что он сдохнет под забором. Непростой диапазон, что тут говорить. Получалось, что куда ни кинь – всюду клин. И спасения нет. Или тебе отобьют и поломают все, что нужно организму для нормальной жизнедеятельности, или ты попадешь в заштатный научно-исследовательский институт и всю жизнь проживешь впроголодь. Или, став учителем или врачом, заработаешь неврастению к сорока годам. Ну, про участь среднего бомжа и говорить нечего. Хотя с чего бы? Семья у Шелепина была обыкновенная.

А может, потому и были эти страхи. Если ты не сильный мира сего, если не способен всерьез заступиться за себя, то может однажды получиться так, что окажешься на улице... В жизни Шелепина был показательный пример, когда он еще учился на втором курсе университета.

Квартира у Шелепиных была отличная – еще сталинской постройки, с высоченными потолками и таким размером комнат, что современные квартиры приблизились к подобному, только когда началось строительство элитных жилых комплексов.

На одном этаже с ними жил военный пенсионер Лыков. Он получил квартиру сразу после войны и прожил в ней до глубокой старости.

По слухам, служил Лыков в спецвойсках НКВД и впоследствии – МГБ. Только, по слухам, сам старик не распростра-

нялся. А вот потом, когда Сталин умер, когда само его имя стало пугалом для детей, Лыков перестал быть человеком, о котором помнят.

И вот где-то в середине восьмидесятых годов на Лыкова наехали. Хотя нет – неправильное слово. Наезд – это теперешний термин, новый, как новые русские.

Можно сказать, что Лыкова просто прижали.

Говорят, что организованная преступность появилась только после развала СССР. Ничего подобного! Была она и во время Империи. Но только не очень заметная. И не раскрученная в средствах массовой информации.

Итак, к Лыкову пришли неприметные вежливые люди и посоветовали принять предложение одного хорошего человека – обменять свою квартиру за хорошие деньги на другую, в менее престижном районе Москвы. Лыков, непривычный к таким заморочкам, послал людей подальше. Нет смысла рассказывать подробно всю историю противостояния, походов старика по инстанциям и милицейским структурам. Конечно, Лыкова отфутболили отовсюду, откуда смогли. Преступления-то не было!

А в результате старик умер от ботулизма. Вслух не обсуждалось, но шепотом говорили, что это произошло после того, как к нему пришли люди из ЖЭКа проверять счетчик электричества.

Короче, Шелепин был впечатлен. И может, именно это впечатление сделало его тем, кем он был сейчас.

Хотя, по правде говоря, Шелепин никем значительным так и не стал. Оказался просто удельным князьком, не располагающим ни серьезными «бригадами», ни настоящим бизнесом. Так, рыбка чуть покрупнее, чем обыкновенный бри- тоголовый «браток».

Это оказалась весьма спокойная экологическая ниша. Нет постоянного ощущения того, что тебя не сегодня завтра повяжут менты или завалят тебе подобные.

С другой стороны, хочется большего. Но для того, чтобы это большее стало достигаемым, надо располагать очень многим. В первую очередь – универсальным инструментом решения проблем. Попросту говоря – деньгами. Это потом все пойдет по уже более-менее нормальной колее. Найдутся и «торпеды», и адвокаты. И самое главное – те, кто захочет с ним иметь дело.

Тут, конечно, можно с Шелепиным поспорить. Не только финансами решаются вопросы.

Особенно в криминальном мире. Там еще важен авторитет, репутация... Хотя, если умело распорядиться денежными средствами, можно купить и это.

Короче, Шелепин всерьез задумал для себя продвижение по иерархической лестнице. Для него не хватало экономической основы. И смерть Горчакова позволила надеяться на решение данной неурядицы. Хотя и тут Шелепин побаивался. С другой стороны, не всегда он шел на поводу у своего страха. Иначе не стал бы вообще никем.

Да и у Романова, можно биться об заклад, в ближайшее время будет столько забот, что операция, задуманная хитрым Эдуардом Шелепиным, может удалиться на сто процентов...

Глава 2

С утра посетителей было не ахти как много. День на день традиционно не приходится. Позавчера, например, все утро пришлось мотаться, как электрическому полотеру, – набежало каких-то туристов из близлежащей гостиницы, и начался грандиозный завтрак. Тут впору было разве что посетовать на дурацкую привычку русского человека с самого утра наедаться так, чтобы пузо трещало.

Да что сетовать? Можно подумать, Комбат сам обходился горсткой мюсли! Нет, питался он последние шесть месяцев замечательно. И немудрено, если честно. Кто может позволить себе добровольный аскетизм, если жена – кудесница за плитой?

Да, уже полгода Рублев жил семейно. Теперь в его паспорте красовался вполне официальный фиолетовый штампель, сообщавший, что он, Рублев Борис Иванович, состоит в официальном браке с гражданкой Татьяной Ивановной Рублевой. В девичестве – Филипповой.

История это была долгая: прежде, чем начались эти полгода, прошли долгие три месяца, в течение которых Борис искал себя.

Как оказалось, не так просто было свыкнуться с мыслью о собственном «исчезновении». Приехав в Москву, Борис начал себя морально готовить к этому, но получалось не осо-

бенно хорошо.

Во-первых, сначала хотелось элементарно отдохнуть. Эпопея в Сочи, последующий сердечный приступ – все это достало не столько физически, сколько морально. Борису даже казалось, что он не переживет эту зиму.

Чтобы как-то отвязаться от навязчивого ощущения, Комбат, нарушая все законы здравого смысла и отступая от предупреждений французского союзника, начал кампанию по устройству на работу. Традиционная сфера – охрана какая-нибудь. Благо человека вроде него готовы на части разорвать. Мало того что и само резюме всегда получается очень насыщенным, так еще и определенная известность играет немаловажную роль.

Он даже сходил на собеседование. И уже почти сговорился с потенциальным работодателем, как вдруг накатила апатия. Да такая, что белый свет стал не мил. Будто бы он не взрослый мужик, а сопливый подросток, в очередной раз разочаровавшийся в окружающем мире.

Комбат собрался с духом и стал анализировать себя. Надо было понять причины своей внезапной хандры и принять соответствующие меры.

Сеанс рефлексии помог: Комбат понял – ему не хочется оставаться в Москве. Мегаполис стал давить на него своим десятимиллионным населением, асфальтовым панцирем, километрами автомобильных дорог. Само московское небо казалось Борису ненастоящим, чужим, неприятным.

И не только это угнетало Рублева. Борис просто устал от постоянных неприятностей. Ему хотелось пожить хотя бы некоторое время не на военном положении, не так, чтобы в любую секунду в тебя могли выстрелить с самого неожиданного направления. Если припомнить, что кое у кого в Москве остался к нему определенный счет – получалось совсем плохо.

Сорваться с места и уехать прямо сейчас мешало только то, что ехать было некуда. Для человека в возрасте Комбата не так просто взять и осесть на принципиально новом месте. Это не молодежь с ее гибкой психикой, приспособленная к метаниям географическим и умственным.

Неизвестно, сколько времени понадобилось бы Рублеву, чтобы принять решение. Может, он бы и не успел и оказался бы снова в роли опасной мишени...

Но как раз тут он познакомился с Татьяной.

Это случилось в ноябре. Комбат возвращался домой с ретроспективного показа военного кино, было около полуночи. Он остановился на троллейбусной остановке, закурил, поглядел на часы – скоро должен был прийти его транспорт, если, конечно, не получится традиционного сбоя в расписании.

Подошла компания молодежи. Судя по внешности – с дискотеки не самого высокого пошиба. Одинаково одетые, лысые, не выделяющиеся особым интеллектом на лицах. Они шумно что-то обсуждали – кажется, как они кому-то вломи-

ли. Или – как вломили им.

Один из этой шайки – самый тощий и мелкий – дернулся было в сторону Бориса. Даже успел прогундосить что-то вроде «Э, чувак!». Но был одернут теми, кто сумел адекватно оценить спокойного усатого мужика и понять, что к нему лучше не соваться. Мелкий что-то прошипел в ответ на замечание своих приятелей, и ему тут же отвесили подзатыльник. Ага, понятно. Шестерка компании. Очень желает казаться значительнее, чем есть на самом деле. Ну, иногда это попадает в струю. Но отнюдь не всегда.

Борис невозмутимо докуривал сигарету, когда более удачная жертва для компашки подошла к остановке.

Женщине было около тридцати. Точно сказать Комбат бы не решился. В принципе, выглядела она и моложе, чем на три десятка, но глаза старили свою хозяйку. Очень старили, ничуть не меньше, чем, например, седой парик.

Женщина несла на плече большую спортивную сумку. Видимо, она была не слишком тяжелой – женщина оставалась практически прямой, без привычного в таких случаях крена на противоположную сторону.

Однако она зацепила сумкой как раз того мелкого щегла, который так рвался наехать на Бориса.

– Ты что, слепая? – крикнул подросток.

– Иди к черту, – устало ответила женщина.

Пауза затянулась на несколько секунд. А потом щегол сообщил женщине, что он про нее думает. И обозвал ее ме-

шочницей.

Она махнула рукой, не собираясь продолжать, но кажется, идея сцепиться с женщиной понравилась подросткам-отморозкам куда больше. Ну да, по всему выходило, что она не сумеет оказать надлежащего сопротивления.

А на то, что Борис никуда не делся пацаны, не обращали внимания. Это же обыкновенная Москва, а не приключенческое кино. Почти не бывает, чтобы один человек заступился за второго, попавшего в затруднительное положение. Подростки чувствовали себя комфортно и собирались целенаправленно продолжать свой наезд.

Они стали полукругом вокруг женщины и предложили показать, что в сумке.

– А вам что до того? – презрительно спросила она.

Подростки и сами задумались на секунду. Ну в самом-то деле, что надо им от сумки запоздалой женщины, не выглядящей денежным мешком.

Самый мелкий и шумный оказался еще и достаточно сообразительным. Он подпрыгнул на месте и сказал:

– Да ты, наверное, это украла. Во, блин, разъездились тут всяких цыган!

Светловолосая женщина, никак не тянущая на роль цыганки, послала его к черту. Конечно, она была права, но в данной ситуации правота мерилась иными критериями. Например, количественным перевесом.

К сумке протянулась чья-то лапа. Женщина покачнулась,

когда рывок сдернул ее ношу. Она возмущенно вскрикнула, пацаны довольно гоготнули, и тут вмешался Комбат.

– Э, ну-ка прекратили!

– Да не суйся ты! – ответил возбужденный расправой щегол-шестерка.

– У тебя не спросил, соваться мне или нет! Все, ребята, идите домой!

Подростки несколько стушевались. С одной стороны, их было больше. Но с другой, у современного гопника психология трусливой и мелкой твари. И если им противостоит тот, кто сильнее психологически, кто выглядит человеком, способным принять самые жесткие меры, они пасуют. Компания молодых отморозков запросто затопчет даже такого неслабого мужика, как Комбат. Но кто-то из них получит от него по рогам. Очень может быть, что окажется на больничной койке. Кто? Неизвестно. Потому каждый боится за себя. И никто не лезет.

– Мужик, а чего ты эту воровку покрываешь? – спросил кто-то другой из компашки.

– А с чего это вы решили, что она – воровка? – резко спросил Борис. – Вы что, за руку ее поймали?

– Пусть сумку покажет и проваливает, – уже с ноткой неуверенности в голосе отозвался тот же голос.

– Ну, подойди, посмотри! – ответил Рублев. И по голосу его было совершенно четко понятно, что подходить не следовало ни в коем случае.

Подростки зароптали.

– Мужик, мы тебя завалим! – крикнул щегол. Ему опять отвесили плюху. Видимо, такая позиция шла вразрез с общим настроем. В принципе, будь они попьянее – драки было бы не избежать. Но так – кровь не оказалась сильно нагретой.

– Давай попробуй, – покладисто усмехнулся Борис и сделал небольшой шаг вперед.

– Мужик, все! – поспешно рявкнули ему. – Расходимся. Но ты смотри, мы ж тебя еще и вспомнить можем!

– Я тебе сейчас адрес оставлю, – сказал Комбат. – Только ты перед тем, как в гости прийти, застрахуй жизнь. И с родными попрощайся.

Из-за поворота вырулил троллейбус. Номер был не тот, который нужен был Рублеву. А вот начавшую заводиться компанию он устраивал. С гоготом и визгом подростки полезли внутрь. Не умевший следить за языком щегол сообщил, что он думает относительно Комбата и женщины. Под оглушительное ржание троллейбус укатил.

Женщина подняла сумку, поежилась.

– Вы извините, – сказала она.

– За что извиняться-то? Я как-то не сразу сообразил встрять.

– Ой, вы так себя повели... Они же могли вас избить!

Комбат усмехнулся в усы.

– В принципе, могли. Но не избili же. Да и вообще, эту породу я знаю. Они трусливые и не полезут туда, где им на-

крутят хвосты. А вот к вам – запросто. Уж очень вы им на роль жертвы подходите!

Женщина засмеялась:

– Да мне уже неоднократно говорили, что я просто специалист по притягиванию неприятностей в этом ненормальном городе. Как ни приеду – обязательно что-то случится!

– Ах, вы еще и немосквичка? – спросил Рублев.

– Я из Тулы, – ответила женщина. – У меня тут сестра. Я в гости к ней приезжала. Сегодня – домой.

Показался троллейбус. На нем Комбат мог доехать домой. А женщина, соответственно, до метро, которое было буквально в двух остановках.

– Давайте сумку подхватчу, – предложил Борис.

– Я не против, – улыбнулась женщина.

Сумка и правда была нетяжелой. Во всяком случае, для Рублева. Он спокойно занес ее в транспорт и поставил у окна.

Короткий разговор ни о чем закончился тем, что Рублев поехал вместе с ней на метро до вокзала. Черт знает почему, но в этот вечер ему не хотелось идти домой вот так сразу.

А впоследствии, если бы Комбат был фаталистом, он мог бы утверждать, что сама судьба развернула его жизнь в совершенно другую, непредсказуемую сторону.

Женщину звали Татьяной, они с Рублевым обменялись телефонами, договорившись в ближайшее время созвониться. Но Комбат как-то все не мог собраться. В итоге однажды вечером она позвонила ему сама.

– Ну и чего молчим? – насмешливый голос в трубке заставил Бориса покраснеть, чего за ним уже давненько не замечалось!

Он залепетал какие-то невразумительные объяснения, но Татьяна не слишком-то настаивала на них. Она просто перевела разговор в нормальное русло, поинтересовалась, как дела, рассказала о своих. Получасовая беседа закончилась обещанием Комбата непременно от – звониться в ближайшие дни.

Что он и сделал.

После нескольких взаимных звонков Борис был приглашен в гости.

Он приехал в Тулу с каким-то странным чувством, словно бы эта поездка – не просто так. Рациональному пониманию эта уверенность не поддавалась и могла оказаться чем угодно – вплоть до предчувствия собственной гибели.

После Москвы Тула приятно порадовала Рублева тишиной и медлительностью. Казалось, что само время тут течет в несколько раз медленней, чем в столице. Сложнее всего бы-

ло привыкнуть к отсутствию метро, хотя как раз оно-то точно здесь не нужно! Город при желании проходилась насквозь за каких-то полтора часа!

Татьяна организовала Комбату экскурсию, сама объясняла все, что знала, про достопримечательности бывшего и нынешнего времени. Но Борис как-то слабо смотрел по сторонам. Он скорее прислушивался к себе, пытаясь понять, нравится ему здесь или нет.

Как оказалось – очень даже нравится! И не только город Тула, но и его жительница Татьяна Филиппова.

Так что их роман оказался событием предсказуемым.

Татьяна жила одна, воспитывала двоих детей. Их отец, ее первый муж, погиб полтора года назад. Он работал водителем-дальнобойщиком и зимой, в жуткий гололед, не справился с пошедшей в разнос фурой. Огромный грузовик влетел в лесопосадку, повалил несколько деревьев, опрокинулся на бок и загорелся. Пока приехала помощь, от машины мало что осталось. А мужа Татьяны пришлось хоронить в закрытом гробу. Теперь от него осталась только память и некоторое количество фотографий.

Татьяна уже устала горевать и играть роль безутешной вдовы. Конечно, муж у нее был замечательным, но нельзя вернуть умершего, а возраст еще не тот, чтобы надевать на себя «паранджу». С другой стороны, далеко не каждого претендента на роль второго мужа она была готова терпеть.

Например, был бизнесмен, предложивший ей золотые го-

ры и много романтики, путешествия и приключения только при условии, что она избавится от детей. Он так и сказал. А когда медленно закипающая Татьяна уточнила, как именно избавиться – утопить или повесить, он гуманно ответил, что достаточно отдать их в пансион-интернат. И даже подсказал адрес одного такого заведения. Татьяна еще не успела сформулировать вежливый вариант посылы кавалера подальше, а он уже успел предложить еще и оплатить их пребывание там.

Вежливо не получилось. Обиженный бизнесмен, встречая Татьяну на улице, демонстративно не здоровался. А она этим нисколько не напрягалась.

Ну и еще пара человек крутилась рядом. Но тоже публика сомнительная. В том смысле, что зачастую интеллигентный раздолбай намного хуже брутального мужика. Ну и опять-таки, для жизни нужен не только интеллект и способность рассуждать о роли того либо иного писателя в развитии человеческой цивилизации. Именно этим занимался один библиотекарь, отчаянно подбивавший клинья к Татьяне. Этим – и больше ничем. Если говорить цинично, то его полезность для реальной жизни стремилась к абсолютному нулю по шкале Кельвина.

Таким образом, в отношении Комбата Татьяна провела планомерную и целеустремленную матримониальную кампанию, против которой Рублев не особенно и возражал.

Татьяна оказалась человеком, очень близким ему и очень приятным. Она сумела по-настоящему найти ключик к до-

статочно прочному укреплению, каковым уже давно было сердце Бориса Рублева.

И дети тоже сыграли в этом немалую роль. Борис, не имея своих, всегда с трепетом относился к чужим отпрыскам. И если доводилась возможность спокойно повозиться часок с мелкотой – не упускал такой возможности.

А дети от предыдущих браков в личной жизни могут быть либо помехой, либо подспорьем – только так, без промежуточных стадий. Кто-то воспримет их со злой ревностью, будет по каждому поводу придираться и наказывать. И ничего хорошего в такой семье не получится. А кто-то полюбит детей как своих и станет им не менее родным, чем отец биологический.

К сыну и дочери Татьяны Борис привязался после первой же встречи. Мишка и Ленка, шести и четырех лет, – пара взбалмошных ангелов, крикливых и шумных, способных в несколько минут поставить квартиру на уши без приложения к тому заметных усилий.

В Тулу Борис переехал как раз через три месяца после того, как они с Татьяной начали отношения. Первым делом стал искать работу. На сей раз он всерьез рассчитывал на мирную профессию. И согласен был, если понадобится, хоть грузчиком устроиться на первое время.

Ну, грузчиком не пришлось. На самой окраине Тулы, на въезде из Москвы, открывалось кафе. Туда требовался кельнер, а хозяином был школьный знакомый Татьяны. Так Бо-

рис оказался за стойкой этого небольшого уютного заведения. И немедленно стал в каком-то смысле визитной карточкой заведения.

Казалось – что от него толку? Никаких особых талантов в сфере общепита Комбат не имел. Но выяснилось, что работа кельнером – это не так и сложно. Надо только принимать и выдавать заказы, ну а еще – время от времени запускать в работу роскошную итальянскую кофеварку, на которую раскошелился хозяин.

К слову, хоть работа и казалась тихой, все равно хозяин радовался приобретению такого внушительного кельнера, как Борис. Кафе на трассе – это не только заведение, приносящее прибыль. Это еще и мощнейший источник головной боли. Потому что дорога – это дорога и ездят по ней самые разные люди. И плохие, и хорошие – всякое случается.

Комбат не успел приступить к выполнению обязанностей, а уже пришлось вешать по соплям бомжеватому дядьке, который возмутился, что его не пустили в туалет. Хотя и было ему внятно объяснено, что после того, как он в свой прошлый приход навалил кучу в писсуар, нечего ему делать в кафе и в туалете.

Мужик был пьяный, что и стало причиной всех проблем. Он опрокинул один стол, разбив вазу с искусственными цветами. Второй опрокинуть не успел – Борис оказался рядом с ним и просто, без прелюдий, двинул дядьке в челюсть. А потом подхватил бесчувственную тушу и выволок вон. Ми-

лицию вызывать не стал – пусть на первый раз просто очухается и исчезнет. А вот если повторится подобный спектакль – можно будет дяденьку сплавить на пятнадцать суток.

Хозяин кафе, молодой и веселый Антон, сказал по этому поводу, что он с радостью приплатит Рублеву как минимум половину его заработной платы, если тот и впредь будет столь же эффективно разбираться с проблемами заведения. Борис пожал плечами и ответил, что это запросто, потому что невозможно работать там, где находится придурок, готовый портить настроение направо и налево.

Антон смущенно потер переносицу.

– Как-то оно не очень хорошо получается. Я тебя не в вышибалы беру, а сам...

– Да ладно, я бы и не пошел вышибалой. Ну и сам посуди – не того у тебя уровня заведение, чтобы специального человека на эту роль заводить.

– Это да... Ну, в общем, спасибо тебе.

– Постараюсь, – усмехнулся Рублев в ответ.

После того бомжа, решившего устроить веселье с разбрасыванием мебели, не прошло и трех дней, а новые приключения не замедлили объявиться в кафе «Семь ветров». Они приехали на минивэне «ситроен», обшарпанном и красующемся помятой дверцей. Номера на вэне были тульскими.

Машина лихо затормозила перед дверью кафе, из нее вытряхнулись четверо. Молодые, явно под шафе... На детей богатеньких родителей не тянувшие никак. И шмотки не то-

го качества, и вид какой-то обтерханный.

Комбат озабоченно хмыкнул, разглядев их сквозь витрину. Остановил официантку Анечку, бегущую с подносом, ткнул пальцем в четверку новых гостей.

– Поаккуратней возле них.

Анечка нахмурилась, быстренько отнесла заказ, а возвращаясь на кухню, прошептала Борису на ухо:

– Это местные придурки. Смотри, они крутые.

– Правда? – неподдельно удивился Комбат. По его меркам крутые должны были выглядеть иначе. Ну что же, придется списать все на непривычный антураж. Кто их разберет, что по тульским меркам считается крутизной? Вот в Смоленске до сих пор двухсотый «мерин» – роскошь. Их там можно по пальцам пересчитать.

Ребята зашли в кафе. Дверь, конечно, открыли ногой – створка качнулась, ударилась в стену. Стекло в ней грустно задребезжало.

– Привет этому дому! – гнусаво выкрикнул головной пацан.

Комбат наметанным глазом засек, что это не главный. Как раз наоборот. Шестерка, которого будет не жалко отдать на растерзание, случись стычка с тем, кто сильнее.

Впрочем, никто из четверых добрых молодцев не видел тут, в кафе, серьезных противников. И вообще, никакой угрозы. Потому и вход был обставлен настолько помпезно.

Кафе погрузилось в молчание. В смысле – от прежнего

звукового фона остался только телевизор. Разговоры умолкли – даже самые негромкие. Люди уткнулись носами в тарелки, старательно делая вид, что кроме еды их ничего не волнует. Комбат заметил, что в сторону дверей были посланы несколько взглядов, – люди очень хотели уйти.

Пацаны прошли через зал. Все четверо держались гоголем. Но главный замечался сразу, и был он, прямо скажем, не самого презентабельного вида. Не очень-то понятно, на чем строился авторитет этого типа. Грузноватый, с отвислым животом и щеками, он должен был бы в такой компашке быть, максимум, на побегушках. А нет, идет важно, как американский миллиардер, смотрит свысока, как будто глаза его существуют отдельно от тела и парят где-то в полумиле сверху.

Проходя мимо одного из столиков, толстый явно умышленно задел плечом сидящего там человека. Повернулся и сказал:

– Чего ты расселся, козел? Подвинься, когда люди идут!

Посетитель втянул голову в плечи и подвинулся, хотя для этого ему понадобилось чуть ли не влезть под стол. Толстяк довольно гыкнул.

Комбат мысленно выругался – ясно было, что без неприятностей не обойтись. С этой братии станется. Он прикинул, что было бы неплохо не выпускать в зал Анечку. Девчонку эти уроды наверняка зацепят.

Он только успел об этом подумать, а официантка уже выскочила из кухни, неся на подносе заказанную еду.

Ее появление заставило отморозков прервать свое дефиле по залу. В Анютку уставились четыре пары глаз. Эти глаза моментально оценили, что девчонка симпатичная, видная, молодая. Идеальный объект для того, чтобы продемонстрировать собственную крутизну.

И не успела она поставить на стол тарелку с едой для клиента, как один из приятелей толстого подскочил к ней и спросил:

– А не желает ли девушка к нам присесть?

Девушка не желала, о чем и сказала.

– Да ладно, мы нормальные пацаны!

– Я на работе, – ответила Анечка.

Пацан махнул рукой, как бы говоря, что это-то как раз не проблема.

– Так сейчас поговорим, чтоб тебя отпустили!

Анечка молча улизнала. Комбат понял, что теперь проблемы гарантированы. Девочка правильно сделала, что убежала. А уж он-то как-нибудь разберется с этими мутантами. И плевать, насколько они круты. Он и не таких обламывал. А на всякую «крутизну» оглядываться – получится, что об тебя каждая сволочь сможет запросто вытирать ноги.

Пацаны подошли к стойке. Самый главный не лез. Ниже его достоинства было разбираться с кем бы то ни было из obsługi. Разговаривать с Комбатом начал тот же пацан, что при – ставал к Анечке.

– Ну как, нормально работается? – спросил пацан.

– Не жалуюсь, – пожал плечами Рублев. Он не пытался притворяться доброжелательным. Ясно, что любые его слова будут истолкованы как непозволительная дерзость. Спрашивается – надо ли кривляться и терять лицо?

– Еще бы ты жаловался. Вон какие тут девчонки работают. Слушай, а ты что, самый главный здесь?

– Я здесь работаю.

– Ну, будешь главным. Я разрешаю. Слушай, босс, отпусти девчонку с нами посидеть? Мы ее не обидим!

– Девочка с вами сидеть не хочет. И не может – она на работе, ей за это деньги платят.

– Да я тебе сейчас неустойку оформлю! – взвизгнул пацан, полез было в карман, но, видимо, содержимое его не было таким уж впечатляющим. Так что рука застыла.

– Мужик, – приблизился второй. – Не отсвечивай. Мы отдыхаем.

– Так отдыхайте, – пожал плечами Рублев.

Пацаны как-то слегка стушевались. Этот кельнер сильно отличался от тех, кто сидел в зале. Он не дергался, не волновался. Он был спокоен, как слон. И именно это спокойствие напрягало, вносило какое-то смятение в души раздухарившихся пацанов.

– Налей пива, – сказал первый.

Комбат молча взял бокал, стал цедить в него из крана янтарную жидкость.

– Мужик, ну что ты выделяешься? Ну пусти девчонку

к нам! Блин, ты что, не в курсе?

– А в курсе чего я должен быть? – удивился Рублев.

– Да блин... Короче, мужик, смотри! Вот этот чувак – это серьезный чел! У него не хилые подвязки в Москве. Он из этой твоей мокрощелки артистку сделает. Натурально – будет на сцене прыгать, всякие муси-пуси петь. А ты мешаешь.

– Да чего ты с этим халдеем базаришь? – удивился толстый. – Я завтра с папкой поговорю – его отсюда уволят.

Комбат удивился. Это еще что за новости? Что за папа такой, что может взять и приказать Антону? Ладно, пусть папа. Плевать. Посмотрим, чьи подвязки круче!

Налив пиво, он поставил бокал на стойку перед пацаном. Тот посмотрел на него и как бы невзначай смахнул посудину на пол. Громко зазвенело разбившееся стекло.

Кто-то из посетителей все-таки не выдержал. Он быстро встал из-за столика, бросил на него смятую купюру и буквально выбежал вон под гогот четырех глоток.

– Вытереть за собой придется, – сказал Комбат.

– А рот не порвется? – взъерепенился пацан. Его немедленная и бурная реакция была вызвана не столько злостью и чувством вседозволенности, сколько радостью, что Комбат не попытался угодничать. Значит, можно с чистой совестью наказывать его за наглость.

– Вытрешь, – кивнул Комбат. Вышел из-за стойки, взял швабру. И тут к нему подошли все четверо, встали полукругом. Главарь стоял на вершине. То есть дальше всех от Руб-

лева.

– Халдей! – сказал он. – Ты вообще много про себя думаешь. Мне такие не нравятся!

– А меня ты совершенно не радуешь, – в тон ему отозвался Комбат.

Крайний слева кадр попытался ударить его по лицу. Рублев спокойно блокировал удар. Блок был особенный – как бы в противоход удару. Конечность, попавшая в такой блок, страдает очень неслабо. Вот и сейчас – пацан ойкнул и сел на корточки. Этот эффект был хорошо знаком Борису. У противника ушиблен бицепс. Несколько дней ему будет очень затруднительно шевелить правой рукой. Если есть страсть к онанизму – придется переучиваться на левую руку.

Секунда замешательства, потом двое помощников толстого вдвоем бросились на Бориса. А главный на всякий случай отодвинулся еще дальше.

Рублев с пацанами не церемонился. Но и не зверствовал. Они не представляли, что такое рукопашный бой, было бы лишним укладывать их в травматологию.

Первый получил резкий секущий удар по колену сбоку. Потеряв почву под ногами, он грохнулся на пол. А второй отлетел в угол кафе после прямого удара открытой ладонью в лоб. Толстяк попытался сорваться с места и броситься в дверь. Рублев зацепил его ногу своей. Бедолага шлепнулся на пузо и даже подпрыгнул на нем, как на мячике.

– А убирать кто будет? – ласково спросил Комбат.

Под ошалелыми взглядами посетителей пунцовый и жалкий толстяк тщательно убрал с пола осколки пивного бокала и вытер разлитое. Потом квартет трусцой выбежал из «Семи ветров». Комбат проводил их до выхода.

И только усевшись в машину, они снова отва – жились проявить наглость. Толстый заорал что-то насчет того, что с Рублевым теперь обязательно разберутся. А с заднего сиденья кто-то показал оттопыренный средний палец.

Рублев возвратился в кафе и спросил у Анечки:
– А это кто?

Оказалось, что толстый – сынок одного местного бизнесмена. Тот – дядька достаточно серьезный, в городе у него магазинов как собак нерезаных, да и по области полно. Папенька – тот еще кадр, хамло редкостное. Так что проблемы могут и быть.

Папенька примчался буквально через полчаса после сынка. Налетел на Рублева коршуном, грозя всеми мыслимыми наказаниями и карами. Борис просто уложил бизнесмена мордой на стойку и прочитал ему недлинную лекцию по этикету. И посоветовал, прежде чем вот так дергаться, узнать, на кого именно возникло желание рыпнуться.

Папенька, судя по всему, не поленился навести справки. Потому что – как отрезало. Никакого продолжения у истории не было, как будто вся эта драма – просто выдумка и бред. Комбата такой расклад устраивал.

Татьяна поражалась способности Комбата ввязываться в неприятности и выходить из них с честью.

– Ты вот думаешь, что у меня все не как у людей, – засмеялся Борис. – А на самом деле как раз наоборот. Просто вокруг меня пространство закручивается в правильную сторону, и получается вот такая ерунда, как с сынком вашего торгаша.

– Да уж. Ты просто звезда теперь. В городе только и говорят, что впервые за все время Сережу-ненормального кто-то поставил на место!

Рублев засмеялся.

– Вот уж воистину ненормальный этот Сережка.

– А ты думал! – махнула рукой Татьяна, – У него еще со школы эта кличка.

– Да... Неправильно у нас нынче школа детей воспитывает.

Жена пренебрежительно фыркнула.

– Да что ты! Директриса школы на задних лапках ходила перед папенькой Сережи. Он же мало того, что школу подогревал, постоянно деньги на ремонт отстегивал, так еще и ей лично устроил неплохую прибавку к жалованью.

– Это еще с какого счастья? Она что, ему уроки какие-то давала?

Татьяна захохотала.

– Она страшная, как торпеда! Просто он ей деньги давал, а она делала так, чтобы у Сереженьки хорошие оценки в дневнике были. Если он где-то отставал по предмету – вызывала учителя на приватную беседу. И после нее все налаживалось, а Сережа становился гордостью класса.

Комбат вздохнул. Ему, разумеется, не в новинку было слышать такие рассказы. Образование в стране все больше напоминало базар, где продавалось и покупалось все необходимое. И от ступени образования это не зависело вообще никак. Комбат нипочем бы не сообразил, что за какую-то несчастную контрольную в седьмом классе можно брать взятку. Но оказывается, очень даже можно.

– Ничего себе гордость класса.

– И не говори. Но ты можешь собой гордиться – Сережа мало того, что получил по соплям от папеньки за то, что наварлся на тебя, так еще и сам впал в депрессию – он непривычный к тому, чтоб его мордой в грязь тыкали.

– Ага, и дружки его теперь небось меньше уважают, – иронично заметил Рублев.

Татьяна улыбнулась.

– Да никто его не уважал и не уважает, о чем ты говоришь? Все, кто с ним якшается, делают это только потому, что он сын богатея и всегда найдет денег на пиво и сигареты. Так что будь уверен, его кореша и теперь готовы ему задницу вылизать.

Ты поосторожнее будь. А то знаешь, взбредет им в голову тебя втихомолку достать...

Рублев кивнул.

– Не бойся, это я всегда помню. Не хотелось бы, чтоб кто ни попадя меня из-за угла зачморил.

Татьяна села возле Бориса, обняла его.

– Представляешь, Мишка сегодня в школе показал характер! Его за беготню воспитательница в группе продленного дня в угол поставила, так он все время грозился, что школу взорвет. Насмотрелся он чего-то не того!

– Известно, чего он насмотрелся, – проворчал Комбат. – У нас этот дебильный канал не выключается!

Он имел в виду телеканал «Hallmark», специализирующийся на показе зарубежной мультипликации. Комбат был не большим ее любителем. Мультфильмы с этого канала казались ему глупыми и злыми, они ни в какое сравнение не шли со старыми советскими. Но дети от них просто балдели, так что Рублев вынужден был смириться.

– А что им еще смотреть?

– Тоже правильно, – вздохнул Рублев.

– Так вот, он теперь возится в комнате, что-то из конструктора собирает. Наверное, бомбу.

– Ага, очень даже может быть, – весело подтвердил Комбат.

– Боря, а тебе не кажется, что с твоим появлением дети стали напоминать бойцов спецназа? – поддела Татьяна.

– Не знаю. Но вот когда школа взорвется – поверю. Или выгони меня, раз боишься за детскую психику.

Татьяна крепче прижалась к Борису.

– Ох, ты так не шути! Я даже не представляю, как буду жить, если ты вдруг исчезнешь.

– Не исчезну, – ответил Рублев и поцеловал Татьяну в лоб.

Глава 3

Юрию Романову доложили о смерти Горчакова буквально через полчаса после того, как бизнесмена изрешетили пулями в собственном подъезде. Авторитет – большой, грузный, напоминающий комплекцией и лицом советского артиста Вячеслава Невинного, шумно выдохнул и достал из коробки большую кубинскую сигару. Впрочем, в его толстых пальцах она большой не выглядела вовсе.

– Никаких идей по поводу того, кто это мог сделать? – спросил Романов. И, не дожидаясь ответа, покачал головой.

– Ну, в принципе, есть некоторые соображения, – сказал его помощник и личный советник Иван Болеславский.

– Ну? – повернулся к нему Романов.

Болеславский развел руками:

– На Горчакова уже давно Вербицкий заглядывается. Да и воры что-то опять зашевелились.

– Воры? Они-то чего?

– Да пес знает! Такое чувство, что опять вспомнили, что на свете есть их так называемые «понятия». Говорят, смотрящим по Москве стал такой старый бандюга, что надо ожидать возврата ретро.

– Ретро, говоришь. Это плохо. Нам старые бандиты не нужны.

Болеславский улыбнулся.

– Они никому не нужны. Раньше воры жили как попало и платили за свой авторитет очень многим. Теперь разнежались, привыкли вместо татуировок на пальцах настоящие золотые перстни носить, жить не в абы-каких конурах, а в коттеджах. И ездить не на «москвичах» разбитых.

Романов выпустил жирный клубок дыма.

– А этот смотрящий, значит, поборник аскетизма?

– Угу. Он собирает большой сходняк. Собирается говорить об утрате понятий и о том, что фраера стали слишком много о себе думать.

– Фраера – это мы, я так понимаю?

– Фраера – это все, кто не отсидел срок. А лучше не один. Кто не короновался воровскими советами... Так вот, прогнозы на этот сходняк у всех одинаковые. Насчет того, чтобы вернуться к старому образу жизни, воры даже не задумаются. А вот насчет того, что их влияние стало поменьше нашего, – это точно. И им это не нравится.

Романов стряхнул пепел в хрустальную пепельницу в форме кленового листа – подарок от друзей из Канады. Пожевал губами, выплюнул табачную крошку. В маленьких глазках отразилась озадаченность.

– Ясно. И ты думаешь, Горчакова могли порешить воры?

– Ну, в принципе – легко. Насколько мне известно, они уже очень давно подкатывают к нему с предложением перейти под их опеку. Дескать, мы тебя лучше отстоим, если понадобится. Но покойник все время отвечал им, что это все

к вам...

– Да, а ко мне ни одна сволочь не подошла, – рассмеялся Романов. Потому что знают: со мной разобраться так просто не получится!

– Примерно так.

– Но пристрелить Горчакова они могли, тут и думать нечего. Слушай, Ваня, прикажи нашим ребятам, из тех, кто специалисты, пусть пощупают в воровской среде. Если что-то появится, хоть какой-то намек, – мы им покажем, что такое «фраер»! Улавливаешь, о чем я?

– Конечно.

– Хорошо. Кто у нас там сейчас вместо Горчакова будет его делом заниматься?

Болеславский пожал плечами.

– Наверное, пока заместитель – Умецкий. А потом не знаю. Но я позабочусь, чтобы фирма перешла к надежному человеку.

– Да, это правильно. И еще вот что – прямо сейчас отправь человека к Умецкому, пусть ему корректно объяснят, что гибель его босса – не повод разрывать отношения с нами. Это может оказаться вредно для здоровья. Особенно сейчас. А вот к жене Горчакова я наведуся сам. Она теперь наследница его бизнеса. И на нее тоже могут надавить.

– Или вообще убить, – заметил Болеславский.

– Тоже возможно. Давай-ка вот что: немедленно взять ее под охрану. Только под негласную, чтоб ни она, ни менты и

близко не заметили. Вечером я с ней пообщаюсь.

– Захочет ли? Как-никак горе у нее.

Романов решительно отмахнулся. При этом пепел с сигары упал на бумагу с какой-то распечаткой и прожег в ней дырку. Романов выругался. И потом уже спокойно, обращаясь к Болеславскому, спросил:

– А то, что ее тоже могут взять и завалить, – это не горе? Да если она хоть немножко с головой в дружбе – сама должна была позвонить и попросить, чтоб я приехал на разговор.

– Может, и так... – Болеславский не слишком-то разделял позиции босса. Но с другой стороны, Романов прав. Дело идет о разделе довольно преуспевающего бизнеса, в придачу – с «черным» привеском. Антиквариат и ювелирные изделия, бывшие основной статьей дохода Горчакова, всегда были благодатной почвой.

– Так или иначе, но за ней надо присматривать по-настоящему. Если что – приедут к ней. Будут просить передать управление магазинами или остаться, но в роли «свадебного генерала».

– Она не заявит в милицию на таких?

– Может. А может и не заявить – тут все зависит от того, что ей скажут. И как.

Болеславский задумался.

– Значит, нам еще и потенциальные переговоры жены с претендентами надо пресечь... Юрий Павлович, а как насчет того, чтобы и ее саму аккуратно проверить? Может, она са-

ма и устроила своему благоверному безвременную кончину? Нет, я понимаю, что вряд ли...

Романов оживился.

– А я бы не стал отмечать такой вариант. Я его жену толком не знаю, не общался. Но думаю так: когда речь заходит о больших деньгах – крышу может снести у кого угодно. Проверьте обязательно. Но аккуратно. Вот как раз из-за нашего подозрения она может потом отказаться от любых контактов. Значит – крутитесь как хотите, но чтоб вся подноготная их отношений была у нас.

Болеславский кивнул:

– У меня на примете есть отличное частное сыскное агентство. Они как раз специализируются на делах личного характера...

Романов презрительно поморщился:

– Копание в чужом белье... нанимай своих сыщиков. Пусть ищут. Предупреди: наследят – денег не получают ни копейки. А начнут возбухать – просто дай мою визитку и попроси позвонить. Я сумею им наглядно объяснить права и обязанности...

Болеславский невольно усмехнулся. Фирмочка, о которой он говорил, была маленькой и невзрачной. И персонал там был специфический – никто из них просто не был способен на работу с чем-то еще, кроме адюльтеров и разводов. Случись Романову с ними поговорить так, как он умеет, – ребята вообще бесплатно работать будут.

– Хорошо. Тогда отправляюсь к Умецкому.

– Сам поедешь?

– Да, пожалуй. Для большей представительности.

Романов понимающе махнул рукой.

– Ага. Как это говорится: «Базарить людей в уровень посылают!» Так? Ну, тогда вы, в принципе, где-то в уровень получаете: он заместитель, и ты тоже... Да не кривись так. Я понимаю, что его вшивая компания нашей структуре в подметки не годится. Но можно и потешить самолюбие вассалов.

Подчиненный – это как лабораторная мышь. Она живет в строго ограниченном пространстве, целиком и полностью принадлежит человеку, который с ней работает, и в конечном итоге эта мышь – расходный материал. Но все-таки, чтобы заставить ее делать то, что нужно исследователю, используются не только удары током. Мышка подкармливается, ее могут и погладить, и по рукам потаскать, как любимую игрушку... А в результате лабораторную мышку приделают к вивисекционному столику и порежут на кусочки без малейшего зазрения совести.

Вот и получается, что выезд Болеславского непосредственно к Умецкому – не что иное, как кусочек сахара для глупой мышки.

Иван попрощался с Романовым за руку, прошел к себе в кабинет и набрал номер телефона Дмитрия Умецкого.

– Здравствуйте. Это Иван Болеславский. Я от Юрия Пав-

ловича.

– Я понял. Что вы хотите?

Голос заместителя убитого Горчакова был бесцветным и напряженным.

– Встретиться и обсудить происшедшее.

– Хорошо. Только давайте часа через три. Ко мне поднимается следователь, я сейчас должен его отшить. В общем, я позвоню вам, когда можно будет приехать.

– Договорились, – согласился Болеславский.

Умецкий позвонил, Болеславский немедленно выехал к нему.

Дмитрий Петрович выглядел, мягко говоря, не очень хорошо. Удивительно ли, если учесть, что гибель начальника фирмы автоматически выдвигала его под потенциальный следующий удар. И не только – должность заместителя погибшего немедленно вызвала у правоохранительных органов приступ служебной паранойи. Умецкий уже успел испытать ее на себе в полной мере.

– Они мне тут всю плешь проели, – признался заместитель. – Прямо, конечно, ничего не говорят, но между строк так и читается, что они ждут признания: дескать, вот я – убийца. Забирайте, сажайте! Ощущение – хуже некуда.

– Понимаю. Но ведь они ни в чем не уверены.

– Были бы уверены – мы бы с вами не разговаривали, – мрачно ответил Умецкий. – Я бы сейчас давал показания их от мороженному следователю.

– Кто ведет дело? – на всякий случай спросил Болеславский.

– Следователь Юровский. Он из РУБОПа.

– Я знаю, – кивнул Болеславский. – Ну да, своеобразный мужик. Но насколько нам известна его метода работы, он не будет прессовать человека только ради того, чтобы получить признание в несуществующем преступлении. Ему нужнее истинный виновник. Редкая нынче порода, если честно. И это нам на руку.

Умецкий, если судить по его виду, не слишком-то обрадовался таким словам. Ну да, менты – это одно. А как насчет всех прочих? В первую очередь – как насчет тех, кто теперь приступит к борьбе за фирму?

– Я надеюсь, хоть вы-то не считаете, что я виноват...

– Этого мы не знаем. Но раз вы до сих пор живы, то, значит, все не так плохо. Не так ли? – подмигнул Болеславский.

Умецкий еще сильнее изменился в лице. Видимо, он не считал, что все настолько уж замечательно. И ясно, что милиция, РУБОП и все прочие – это только бледное подобие настоящей угрозы и проблемы, а проблему эту олицетворяет этот вот довольно молодой человек.

– Хорошо, – сказал Болеславский. – Давайте перейдем к деловому разговору. Начнем с очевидного: какие есть идеи относительно происшедшего у вас?

– Убрали, чтобы фирму оттяпать, – пожал плечами Умецкий.

– Это я и сам понимаю. Не хотите предположить, кто мог зайти настолько далеко?

Умеккий задумался. Болеславский терпеливо смотрел на него, моргая своими светлыми глазами.

– Я не уверен, но недели две назад приходил человек от Кремера. И что-то нехорошее там произошло, в кабинете. Тот, кто от Кремера, натурально выбежал, а наш так орал, что на другом конце фирмы было слышно.

Русский германского происхождения Кремер был человеком, стремящимся подмять под себя как можно больше фирм и магазинов, занимающихся торговлей ювелирными изделиями. У него были налаженные каналы связи с Европой и США. А там, несмотря на общую утрату рыночного интереса к искусству России, вспыхнувшего в начале девяностых годов, все равно оставалось достаточное количество увлеченных коллекционеров. И они готовы были платить неплохие суммы за то, что привезено из России. Конечно, речь ни с какого бока не идет о малоинтересных поделках. Нет, Запад требовал качества. Даже здесь он оставался педантичным и внимательным, больше слушаясь разума, нежели сердца.

Итак, значит, был какой-то разговор с Кремером. Незвестно, зацепка ли, но надо пощупать этого парня. Он давно напрашивается. Опять-таки, интересно, откуда такая наглость? Вся Москва знает, кто за Горчаковым. Соответственно, желающих наехать немного. Кремер тут как-то не произ-

водит впечатления человека, готового к активному воздействию. У него просто нет полномочий и сил.

Значит, либо разговор с Кремером был не про то, либо немец на кого-то работает. То и другое надо обязательно проверить. Ну вот, есть направление деятельности.

– Вы рассказали о Кремере следователю?

– Да, рассказал. А что вы предлагаете? Его вопли небось даже на улице были слышны!

Болеславский понял, что теперь у них появились конкуренты. И надолго – менты не умеют разбираться с вопросами в нормальном темпе. Решение «по горячим следам» – это для них исключение, а не правило. Правда, медлительность стражей порядка можно развернуть себе на пользу.

– Ничего, что рассказали. Вы совершенно правы, что так сделали. Но теперь сделайте и другое: по мере сил следите за тем, что становится известно расследованию, и сообщайте нам об этом. Хорошо?

– Конечно-конечно! – торопливо заверил Умецкий.

Болеславский спросил:

– Вы все-таки скажите: был ли случай с Кремером единственным, что может нас навести на мысли о виновниках смерти вашего босса?

– Я больше не припомню ничего. Я вообще не сказал бы, что и ссора с Кремером что-то изменила в поведении Горчакова. Он не казался человеком, на которого идет охота. Даже на того, кто может мимолетно подозревать об этом. По-

нимаєте?

– Понимаю. Только вот так обычно и получается: человек до последнего момента уверен в том, что уж как раз он-то может избежать большинства подводных камней, на которые напоролись ему подобные. Уверенность в такой особенности и уникальности – она губительна. Горчаков, ругаясь с конкурентами и расширяя свой бизнес, должен был бы позаботиться о своей охране.

– Об охране?

– Конечно!

Умецкий вдруг неприязненно посмотрел на Болеславского.

– А вы тогда зачем? Назвали себя нашей «крышей», пообещали защиту. А теперь говорите, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих? Это вам не кажется странным?

– Ни на секунду. Давайте продолжим ваши рассуждения. Мы не ОСВОД, а скорее диспетчерская, которая следит, чтобы на вашу лодочку не наехал большой корабль. Ну и заодно флот, защищающий от пиратов. Мы способны предотвратить их нападение. Но если ваш капитан не способен научиться плавать или не желает носить спасательный жилет, то извините – тут мы как-то не компетентны. Почему не найти нормального телохранителя? Это не так дорого, как может показаться!

Умецкий смутился. Он понял, что не доставил Болеслав-

скому большого удовольствия своим замечанием. Смушение диктовалось также и тем, что едва не сорвались с языка слова куда более неприятные. Дмитрий Петрович чуть не уточнил: а не Болеславский ли с Романовым решили, что антикварные и ювелирные магазины Горчакова могут работать и без хозяина? Ох, не привел бы такой вопрос к хорошему! Потому что это слова такие, за которые приходится отвечать не только в воровской среде, но вообще в принципе. Если обвиняешь – имей основания. Не имеешь? Тогда молчи! Или получай наказание. Может, конечно, и не убьют, но и Москва тесной станет!

– Вы сами-то о себе позаботитесь? – спросил Болеславский.

– Ну, смотря что понимать под заботой! Охранника уже нанял. Хорошее агентство, проверенное. «Пектораль» называется. Оно давно работает.

Болеславский вспомнил, что такое агентство и правда есть. И вроде бы не замечено в каких-то чрезмерных махинациях и аморальных поступках. Солидная, респектабельная фирма, занимается очень важным и нужным по нашему времени бизнесом – защищает людей от людей же.

– Хорошо, – одобрил Болеславский, – надеюсь, вы сможете благополучно разрешить возникшую проблему.

– Самому бы хотелось.

– Я должен попросить вас помнить кое о чем. Надеюсь, вы сумеете воздержаться от соблазна найти себе в качестве

прикрытия кого-то еще. Собственно, в глазах Юрия Павловича подобный расклад будет означать доказательство вашей причастности к гибели начальника. Ну, или, по крайней мере, оскорбительного неуважения к его памяти. Его ведь убили как раз потому, что он был с нами. Мы непременно отыщем виновника. И сумеем его наказать.

Умеккий посмотрел исподлобья на Болеславского. Этот худощавый бледный человек с некрасивым тонким лицом вызывал у Дмитрия Петровича отчаянное желание немедленно уволиться, оставить фирму на кого-нибудь еще. И даже не потому, что ему страшно. Ему противно. Мало того что вот эти негодяи, качая из них ежемесячно пятнадцать процентов чистой прибыли, прохлопали задуманное убийство, так еще теперь они приходят и фактически угрожают расправой. Черт знает что! Будто живешь в самый темный и мрачный период Средневековья, а не в двадцать первом веке.

Болеславский спросил:

– Кабинет Горчакова опечатан?

– Нет, его только осмотрели. Даже не обыскивали. А потом я закрыл его на ключ.

– Ключ у вас?

– Да, у меня. Я же теперь, получается, исполняю обязанности главы фирмы, пока не произойдет передачи прав наследования и супруга Горчакова не примет решения, кому рулить фирмой дальше.

– А что, есть какие-то альтернативы? Она станет владелицей? Но если я ничего не путаю, то к бизнесу Людмила Горчакова имеет очень слабое отношение. И понимает она его разве что с рассказов мужа.

– Это так, – кивнул Умецкий. – Но кто помешает ей сесть в директорское кресло? Вы ведь понимаете, что наша фирма – это не большая корпорация, где есть управляющий орган, способный пресечь подобные эксцессы. Мы – это маленькая, но все-таки абсолютная монархия.

Болеславский согласно промычал и ответил:

– Ну, будем надеяться, что она – женщина здравомыслящая и не склонная к играм в универсальность.

– Надеюсь, – согласился Умецкий, которого как раз очень волновало, есть ли в будущем какое-то место для него.

А Болеславский взял себе на заметку, что надо довести до сведения Романова угрозу возникновения в директорах некомпетентной супруги Горчакова. Ну, то есть, чтобы Юрий Павлович смог это предотвратить каким-нибудь джентльменским способом.

На том они и расстались. Во всяком случае, никакого больше положительного наполнения их беседа не получила. Болеславский уехал, оставив Дмитрия Петровича в тяжелых раздумьях.

Романова в офисе уже не оказалось. Он успел уехать на встречу с Людмилой. Болеславский решил, что поговорит с ним немедленно по возвращении.

Людмила Горчакова, к удивлению Романова, согласилась его принять легко и без возражений. Только голос ее по телефону был бесконечно глухим и бесцветным, как будто женщину терзала хроническая усталость.

– Да, приезжайте вечером, – сказала она. – Все равно Витю только завтра из морга привезут...

Романов вздрогнул, сообразив, что собирался ехать на разговор в квартиру, где еще мечется в ужасе потерянный дух покойного Горчакова... Живо представив себе это, Романов выругался шепотом и заставил себя прекратить эти мистические фантазии. Нет ничего хуже, чем задумываться о вечном. Немедленно теряешься, начинают всплывать какие-то комплексы. А спустя недолгое время ты уже и не целеустремленный, сильный человек, а просто такой же, как все.

– Хорошо. Я приеду. Вам что-нибудь нужно?

– Ох, едва ли. Сейчас мне скорее ничего не надо. Даже из того, что у меня есть...

Романов корректно попрощался и повесил трубку.

Вечером, уже успев переговорить с Болеславским, он поехал к ней.

Людмила, несмотря на горе, выглядела именно так, как должна выглядеть необычайно красивая женщина. Только

очень грустная. Ох, нет. Даже слово «грусть» не очень-то отражает эмоции, затаившиеся в больших карих глазах Людмилы.

– Здравствуйте, Юрий Павлович, – сказала Людмила. Она знала Романова лично – доводилось как-то пересекаться.

– Здравствуйте.

– Пойдемте в кабинет Виктора. Вы ведь приехали, чтобы поговорить о его фирме?

Романов мысленно чертыхнулся. Ну вот, про его намерения не знает только полный идиот! С другой стороны, это не так и плохо – не надо прикидывать, каким образом подвести разговор к интересующей теме.

– Да, именно об этом.

Они прошли в кабинет, Людмила включила стоящий на столике у стены электрический чайник.

– И чего вы хотите?

– Мы хотим разобраться, кому было выгодно убивать вашего мужа. Это ведь наверняка завязано на его бизнес. Нужно предпринять ответные действия, сделать так, чтобы виновные получили по заслугам.

– Вите от этого не легче, – грустно улыбнулась Людмила. – Вы могли бы раньше подумать, что его могут убить.

– Нет, не могли, – резко ответил Романов. – Мы ведь пока не волшебники! Мы знаем, что на ювелирные магазины вашего мужа точат зубы очень многие. И мы старались отслеживать все посягательства. Вспомните прошлых га-

стролеров из Смоленска, решивших, что у нас тут можно оттяпать удел силой оружия. Они ведь не успели осуществить задуманное и пополнить кассу своей группировки за счет золота из магазинов вашего мужа. Но скажите, Людмила, как мы можем справиться с внезапным приказом, отданным достаточно влиятельным человеком? Мы не всесильны. Сейчас будем разбираться. И постараемся, чтобы никто из виновных не остался безнаказанным.

– Да, – тихо ответила Людмила, – чисто по-человечески мне очень хочется, чтобы виновные получили по заслугам.

– Вот и замечательно!

Она кивнула. И спросила:

– А все-таки: чего вы от меня хотите?

– От вас? Во-первых, нам нужно, чтобы вы не принимали никаких предложений о покровительстве со стороны. И во-вторых, чтобы о подобных предложениях немедленно сообщали нам.

– Хорошо. Но ведь может так получиться, что со мной вовсе не станут разговаривать. И просто расправятся, как с Виктором.

– Нет, тут уж мы постараемся. Уже сейчас мной отдана команда создать вокруг вас максимально плотное прикрытие.

– Я становлюсь важной птицей, – усмехнулась Людмила.

– Выходит, так. Во всяком случае, вы нам нужны живой. Именно благодаря вам мы сможем найти виновных.

– Хотелось бы. Значит, мне нужно отвергать любые пред-

ложения о сотрудничестве и информировать вас о том, кто это мне предлагает?

– Да. Вы совершенно правы.

– Я чувствую себя чем-то сродни живцу для ловли рыбы. Неприятно как-то. Крючок-то заточен не для меня, но кишки разорвет, и тогда уже будет совершенно все равно, что и почему. Знаете, Юрий Павлович, мне ведь сейчас на самом деле хочется только одного: чтобы мир оставил меня в покое, а мой муж вернулся с работы живым. И все.

– Хорошее желание... К слову, а кто будет руководителем фирмы теперь?

Людмила поморщилась – этот циничный вопрос резанул слух.

– Ну, наверное, я. Пока не знаю – останусь только владельцем или сама попробую руководить... Я пока не готова к принятию таких решений.

– Ну, я думаю, что лучше бы делом занялись именно вы, – сказал Романов.

– А вот меня, изволите ли знать, совершенно не волнует, что вы на сей счет думаете! – едко ответила Горчакова.

Романов решил, что он и вправду перегнул палку.

– Извините, но я серьезно беспокоюсь за вас...

Горчакова перебила его самым непочтительным образом:

– Не обо мне, не надо обманывать. Вы беспокоитесь только о тех деньгах, которые мы вам приносим. И все. Так что не надо благородных жестов!

– Хорошо, – сказал Романов, предполагающий, что сейчас все равно нет смысла в переубеждениях. Женщина не хочет слышать противоположного мнения. Но хорошо все-таки, что она хотя бы согласилась разговаривать.

– Я пока не знаю, что предприму, – устало потерла она виски. – И тут уж можете со мной делать все что угодно – не знаю! Эта фирма для меня сейчас как гиря чугунная на сердце. Просто воспоминание о муже. Понимаете?

– Понимаю.

Людмила хотела снова сказать что-то язвительное. Но сдержалась, так как уже и на сарказм сил не оставалось. А что толку подкалывать Юрия Павловича, если он прибыл сюда только как деловое лицо и эмоциям подвержен настолько же сильно, насколько скульптура из гранита?

– В общем, вы подумайте, – сказал Романов. – Мы в состоянии оказать вам всяческую помощь и поддержку.

– Я все сказала, – потерла Людмила виски. И Романов понял, что разговор закончен. Она не будет больше ничем полезна ему этим вечером. Ну, спасибо хотя бы на том, что поговорила.

Юрий Павлович попрощался. Горчакова протянула ему на прощание руку и попросила:

– Но вы все-таки постарайтесь найти убийц. Я не очень-то надеюсь на милицию.

Тут, если говорить по чести, Романов поддерживал ее на все сто. Как ни крути, но статистика раскрываемости заказ-

ных убийств – одна из самых мрачных тем для правоохранительных органов. Практически все, что раскапывается на этой ниве, – совершенно непрофессиональные заказы, сделанные идиотами.

У преступных структур свои пути расследования и свои возможности. В силу отсутствия сдерживающих факторов (читать – «писаных законов») одни преступники проще находят других, прибегая к таким методам, от которых у простого человека волосы встают дыбом.

– Их уже ищут, – сказал Юрий Павлович.

На том и распрощались.

Сев в машину и приказав водителю двигаться, Романов задумался над тем, как относиться к вероятности того, что сама Горчакова стала виновницей смерти мужа. Вот взяла да и заказала благоверного, чтобы наложить свою холеную лапу на его немалые деньги.

В принципе, не похоже. Уж очень поведение натурально. Чтобы сыграть так, требуется некая природная страсть к актерству. Или даже не так. Актерство тут совершенно ни при чем. Это скорее способность поверить в любое свое слово как в истинную правду. Только так и можно соврать, чтоб тебе поверили другие.

Горчакова, конечно, выглядит убитой горем женщиной. Правда, не настолько, чтобы превратиться в безвольную тряпку. Но одновременно – не сумевшей притвориться беззаботной и безразличной, как можно было бы для поддер-

жания имиджа супруги бизнесмена, этакой скалы-женщины, которую нельзя сломить ничем.

А если врет? Тогда черт его знает что делать. Наверное, надо ждать и ничего более. Рано или поздно она проявит себя. Косвенные признаки при грамотном обращении могут сказать намного больше, нежели прямые.

Тогда и меры можно будет принять.

Ну а пока следует исходить в большей степени из того, что виной всему – криминальные авторитеты старой закалки, решившие блеснуть своей крутизной и напомнить «фрерам» их место.

Романов почувствовал, как при этой мысли его лицо сложилось в хищную гримасу. О нет, он не таков, чтобы дать превратить себя в боксерскую грушу. Если кто-то решил бросить ему вызов – пусть будет готов, что за этот вызов придется ответить по полной программе.

Водитель осторожно спросил:

– Вас домой?

Романов обжег ни в чем не повинного работника пронзительным и жестким взглядом, но затем разум взял верх, и он спокойно ответил:

– Да. Домой. Устал очень.

Водитель промолчал. Ясно, что замечание не подразумевало какого бы то ни было диалога с его участием.

Тяжелый лакированный «мерседес» Романова выехал на улицу и влился в поток транспорта, идущего в сторону цен-

тра. Юрий Павлович не так давно раскошелился и купил себе квартиру на Котельнической набережной. Ближе только в Кремле. К чему ближе? Да к некоему центру, сердцу Москвы, к ее трансцендентальной сути. Чем полнее у человека ощущение этой сути, тем в большей степени он москвич. Даже если на самом деле приезжий.

Это ощущение или даже понимание того, что у столицы есть особое биополе, превращающее гнусный и грязный мегаполис в главный город великого государства, появилось у Романова давно. И было предметом его тайной, а порой явной гордости. Еще бы. Он не просто человек. Он – житель Москвы, клетка грандиозного организма, живущего много лет, познавшего болезни и смуты, пожары и войны... Нет, это вам не просто так! И его, москвича, за понюшку табака не возьмешь!

Романов впал в эту странную философию, чтобы уже через минуту насторожиться. Можно верить, можно нет, но была у него личная примета: если тянет на какие-то высокие материи – тушите свет! Значит, где-то совсем рядом, буквально за спиной или сбоку, вне досягаемости периферического зрения, есть опасность для жизни.

Романов стал осматриваться. Вроде все было нормально – двенадцатиэтажные дома за окном автомобиля, люди на тротуарах, небо и асфальт... И поток транспорта, точнее – целых два. Один – почти неподвижный, плавный, текущий в одном направлении с машиной Юрия Павловича. И второй

– безумный, размазанный в непонятные штрихи, встречный. Кажется, в нем такие же машины, но смертельную опасность встречной полосы нельзя недооценивать.

Водитель прервал новый каскад размышлений Романова осторожным заявлением:

– За нами уже километра полтора «хвост».

Юрий Павлович понял, что его интуиция в очередной раз не подвела.

– Где? – спросил он.

– Вон, смотрите, – водитель ткнул пальцем в зеркало заднего вида, висевшее на лобовом стекле. Оно было широким, панорамным, так что идущие сзади машины были видны Романову ничуть не хуже, чем водителю. – Фиолетовая «ауди».

Интересно это – вот вроде ничего не замечалось, не говорило о том, что происходит неприятное. И автомобиль, в котором наметанный глаз водителя – бывшего оперативника из уголовного розыска – узнал преследование, не казался особенным. Но прошла только секунда, мозг обработал информацию – и все. Что-то сдвинулось, изменилось, сломалось. И уже понятно – «ауди» не просто едет по улице, а превращается в лоснящегося самодовольного хищника, преследующего добычу.

– Что думаешь делать? – ровным голосом спросил Романов.

– А что делать? Надо отрываться, – отозвался водитель, глядя в зеркало. – Вы бы, Юрий Павлович, позвонили на-

чальнику охраны, попросили помощи. А то я ведь не знаю, что у них на уме. Если они просто следят – ладно. Ну а если решили с нами разобраться, то мне одному вас не отстоять. Полоснут из автомата – и пишите письма! Машина не бронированная.

Романов позвонил. Начальник не удивился, приказал покрутиться по самым оживленным улицам, чтобы не вводить преследователей в искушение той самой автоматной очереди из окна, которую так часто показывают в криминальных фильмах и которая еще более страшна в жизни. В кино герои еще отстреливаются, пули чудесным образом минуют их и неприятель оказывается поверженным. А в жизни машина превращается в мышеловку, в гроб на четырех резиновых колесах. Железо кузова и пластмасса внутренней обивки – это не препятствие для очереди из АК-74, к примеру.

Началась выматывающая, напряженная езда по проспектам. Начальник охраны, пожалуй, был совершенно прав, говоря, что там стрелять не будут. На дворе, слава богу, не начало девяностых, когда вся жизнь проходила под знаком беспредела, и сейчас даже у полного отморозка не достанет наглости устраивать пальбу в центре города, чтоб потом собственные союзники не закопали в удобной лесополосе.

Они постоянно созванивались с подкреплением, которое уже двигалось по лабиринтам московских улиц. Для того чтобы все было совсем наглядно, не хватало только карты, на которой надо было бы двигать разноцветные флажки.

Но вот все закончилось. Водитель поднял трубку на звонок, выслушал то, что ему сказали, и улыбнулся:

– Наши его засекли. Теперь они сидят у него на хвосте. Просят, чтоб мы двинулись к выезду на Смоленск. Там наши приготовили местечко, где этих ребят можно прищучить. Или мы их отпустим?

– Наверное, не стоит, – ответил Романов. – По крайней мере, выспросим у них, зачем ехали следом. Хорошо, поехали, куда сказано.

Странное дело, он совершенно не чувствовал себя уязвленным или униженным, превращаясь в живца. Наоборот, сам факт, что сейчас он участвует в событиях непосредственно, очень льстил самолюбию и вызывал чувство легкой эйфории. Может быть, сыграл свою роль фактор экзотики? Этого Романов не знал и знать не хотел. Какая разница? Ему интересно – вот что главное!

Начался спальный район, за окном потянулись ряды скучных серых многоэтажек. Скоро была граница города.

«Ауди» нахально ехала следом. Теперь, пожалуй, даже законченный придурок понял бы: она действительно преследует.

– К мосту через железную дорогу? – спросил водитель в трубку. И очевидно, получив утвердительный ответ, крутнул руль. «Мерседес» свернул с главной дороги. Впереди, на самом краю видимости, виднелась арка того самого моста, куда им сказали приехать.

Романов напрягся и сосредоточился... Хотя понятно, что ему-то повоевать и не дадут. Но надо же прочувствовать значительность момента...

Мост приближался.

Глава 4

Осипову не пришлось долго возиться с людьми для задуманного Шелепиным дела. Одна из обязательных черт любого, кто хочет быть не последним человеком в криминальном мире, – осведомленность. И широкий кругозор как раз в вопросе человеческого материала родного города. Ты можешь не знать, что сегодня, к примеру, Нью-Йорк смело с лица земли, но вот подноготную пары десятков «темных» ребят изволь вызубрить намертво.

Григорий сразу вспомнил, что давно собирался найти работу для Игоря Мотина – сорокапятилетнего мужика, повидавшего за свою жизнь немало разных занятий и переделок, последним из которых была война в Чечне. Наемником, конечно, и отнюдь не на стороне федеральных сил – там платили недостаточно. Игорь воевал до тех пор, пока его отряд не попал в расставленную федералами ловушку и не был уничтожен. Сам Игорь спасся только потому, что днем раньше нажрался грязного винограда, и его пробрал жесточайший понос. Вот и отстал на маршруте, присев в укромных кустах. А когда за поворотом началась пальба, он вместо того, чтобы броситься на помощь, предпочел бежать совсем в другую сторону, путаясь в полуспушенных штанах и пачкая их дерьмом. Это было унижительно, но зато помогло спастись. А ближайшая речка помогла привести себя в менее отврати-

тельный вид.

После этого Игорь решил не искушать более судьбу и вернулся домой. На его именном счету лежало некоторое количество денег, позволявшее жить, не испытывая нужды, но не вселяющее уверенности на перспективу. Особенно если учесть, что становиться к станку Игорь не собирался, а идти на войну не хотел. Ему казалось, что он уже немного переборщил с искушениями судьбы.

Осев в Москве, Игорь вел спокойную и размеренную жизнь. Давний знакомый Осипова, он сразу предупредил, чтобы Григорий и думать не смел об использовании его в качестве постоянного «солдата». Осипов и не думал. Он просто взял Игоря на заметку для роли потенциального исполнителя щекотливых поручений, которые нельзя делать самому. И вот он оказался совершенно прав, поручение нашлось. Пока неясное, но кажется, Игорь Мотин для выполнения его подходит наилучшим образом.

Мотин жил в Чертаново. Осипов позвонил ему домой, уточнил, когда можно застать его, и пообещал приехать.

Игорь встретил его настороженным взглядом поверх традиционно крепкого рукопожатия. Предложил пойти на кухню, где меланхолично насвистывал на плите закипающий чайник. Чай Игорь заваривал настолько крепкий, что просто скулы сводило.

– Только не говори, что ты просто пришел со мной повидаться, что соскучился и не знаешь, куда деваться.

– Не скажу, – кивнул Григорий. – Я по делу.

Мотин шумно заскрипел щетиной на подбородке.

– По делу – это хорошо, а то я что-то в последнее время засиделся дома, жиром заплыл...

Осипов при этих словах машинально скользнул взглядом по подтянутой фигуре Игоря. Мотин, уловив этот взгляд, покачал головой:

– Я не про такой жир. Я психологически. Хотя, еще месяц спокойной жизни – и все, начнется настоящее отложение подкожного сала.

– Думаю, есть способ его предотвратить.

– Ну так рассказывай, не томи!

– Да что рассказывать? Я сам пока не в курсе. Просто мой шеф попросил найти пару-тройку надежных ребят, которые пригодятся для выполнения задания. А вот про само задание – не в курсе.

– Интересное кино, – усмехнулся Мотин одним уголком рта. – Ты предлагаешь мне подписаться на кота в мешке?

– Я предлагаю подписаться на то, чтобы ты вытащил этого кота и посмотрел, согласен ли. Понимаешь? А за Эдуардом не заржавеет предложить нормальные деньги. Он даже про долю говорил.

– Ух какая честь! Я прямо-таки заинтригован, – хлопнул Игорь себя ладонью по колену. – А когда я узнаю, в чем дело?

– Ну, если ты согласишься выслушать шефа, то скоро. Я могу позвонить ему прямо отсюда.

Игорь поставил чашку с недопитым чаем и решительно сказал:

– Звони. Прямо сейчас.

Осипов вытащил мобильник, набрал Шелепина и сказал:

– Эдуард Иннокентьевич, я нашел вам человека. Но он хотел бы знать про суть работы.

– Это правильно. Я тоже не против ему рассказать. Когда сможете приехать?

– Секунду! – сказал Осипов, прикрыл рукой микрофон и спросил у Игоря: – Когда мы сможем быть?

– А сколько надо, чтобы доехать до твоего главного?

– А! Хорошо! – Осипов кивнул и сказал Шелепину, что времени им понадобится час с небольшим. Ну, полтора для полной уверенности.

– Жду, – сказал Шелепин.

Игорь быстро переоделся, и Осипов отметил, что тот умеет выглядеть весьма презентабельно. Серый с серебристым отливом пиджак спортивного фасона, черные джинсы, тонкий серый свитер – отличный ансамбль. Можно не то что идти на разговор о намечающемся преступлении (а о чем еще может идти речь в предстоящей беседе с Шелепиным?), а на собеседование в очень приличную фирму.

– Ну, как? – горделиво спросил Мотин.

– Отлично! Поехали!

Всю дорогу они не перемолвились ни словом. Просто ехали, слушали музыку – не радио, а подборку инструменталь-

ной музыки на магнитоле. Игорь пристукивал в такт мелодиям пальцами по колену.

* * *

Шелепин встретил Игоря одобрительным взглядом. Этот подтянутый темноволосый человек с глубокими лобными залысинами и холодными глазами выглядел именно тем, кто способен выполнить поручение и при этом не погореть. А это очень важно, потому что если исполнители засветятся, то Шелепину можно заранее озаботиться покупкой участка на каком-нибудь кладбище пожизненно. Его достанут в любом месте планеты Земля, и может статься, что уложат в куда менее приятную почву.

Шелепин протянул руку.

– Меня зовут Эдуардом, – сказал он.

Игорь кивнул, ответил на рукопожатие и назвалсся. Шелепин предложил сесть, налил Мотину и Осипову по стакану гранатового сока.

– Так чего вы от меня хотите? – спросил Игорь.

Шелепин отпил сока, поставил стакан на стол и стал неторопливо крутить его, глядя на рубиновую жидкость.

– Я не знаю, слышали ли вы о том, кто такой Виктор Горчаков... – начал он.

В ответ Мотин покачал головой. Он и правда слабо представлял, кто есть кто в нынешней криминальной Москве.

– Горчаков занимался торговлей антиквариатом и ювелирными изделиями, – пояснил Шелепин. – Я говорю о нем в прошедшем времени, потому что буквально позавчера его убили. После его смерти осталась сеть весьма преуспевающих магазинов соответствующего профиля. Над этими магазинами есть «крыша». Сейчас, когда хозяина магазинов убили, «крыша» ищет виновных и намерена разобраться с ними, так сказать, по законам военного времени. Что это означает?

Игорь дернул плечом, как бы показывая, что как раз ему-то не слишком понятны нюансы криминальной жизни. И пусть лучше Эдуард не мутит воду, а говорит прямым текстом, без намеков.

– Это означает, – сказал Шелепин, – что покровитель покойного Горчакова сейчас находится в состоянии охоты. И бросится на что угодно, если это покажется ему подозрительным. И мы вполне можем на этом сыграть.

– Это как? – удивился Игорь, в глазах которого загорелся охотничий интерес.

– Очень просто. Сейчас Романов ищет виновного в смерти Горчакова. И будьте уверены – скоро найдет. А если сейчас что-то произойдет с его магазином, то стрелки переведут на убийцу Горчакова. На то, что магазин попал под кого-то постороннего, подумают в последнюю очередь.

Игорь подумал и сказал:

– Ну, в принципе, толково. А что надо с магазином-то сделать? И что за магазин?

– А вот это и есть твое задание. Я дам наводку на ювелирный магазин, а ты почистишь его. Потом спрячем золотишко и брюлики, и ты свалишь в теплые края на годик. А когда вокруг добычи все поуляжется, я найду покупателя. И тогда посигналю тебе, чтобы ты возвращался. Продаем добытое, ты получаешь пай, мы расстаемся друзьями.

– Я должен работать один? – с искренним недоумением в голосе осведомился Мотин. – Но это несколько тяжеловато.

– Не один. Ты сам найдешь еще пару человек, чтобы обеспечить себе помощь. Соответственно и ваш пай будет делиться на троих. Ясно?

– Конечно! Так, а что за магазин-то?

– Это я определю позже. Надо выбирать такую точку, чтобы никто в обиде не остался, чтобы не рисковать из-за горстки китайских браслетов дутого золота.

– Горчаков не занимался мусором, – осторожно заметил Осипов.

Шелепин махнул рукой.

– Да я прекрасно понимаю. Это я просто к примеру. Конечно, какой бы из магазинов Горчакова мы ни выставили, куш получится отменный. Но надо выбрать такой, который будет соответствовать двум параметрам. Во-первых, чтобы он был жирным. Во-вторых, чтобы мы все-таки им не подавились. Всему есть предел, как ты понимаешь.

Игорь кивнул.

– Ну, как тебе потенциальный заработок?

Мотин ответил, практически не думая:

– Ну, в общем, я, конечно, подпишусь. Пото – му что за- сиделся на положении среднего обывателя, не хватает ощу- щений. Мало-помалу перестаешь чувствовать себя челове- ком, становишься роботом, машиной. Чтобы спастись – надо показать обществу козью морду. А тут прекрасный повод и способ. Еще и денег можно заработать.

– Вот и прекрасно, – резюмировал Шелепин. – Тогда зай- мись поиском двух-трех помощников. Лучше, если ты это сделаешь сам, не возникнет вопросов о доверии и притирке друг к другу. Как, сможешь?

– Смогу. Есть ребята, с которыми я пойду на такое дело.

Шелепин довольно кивнул:

– Вот и замечательно. А ты, Григорий, поможешь им.

– Хорошо, – кивнул Григорий, мысленно поморщившись. Не дали ему полностью отработать на этой операции! Зато, с другой стороны, сразу в куратора превратился... Ладно, пусть все идет, как идет. Можно быть уверенным: свою долю выручки он с этого дела тоже поймет. Иначе Шелепин не стал бы ввязывать его, просить привести человека.

– Сколько у нас времени? – спросил Мотин.

– Времени? Ну, я так думаю, что достаточно. Но не много, так что не задерживайтесь. В течение недели будут конкрет- ные указания, и тогда искать помощников будет некогда, на- до будет приступать к реализации задуманного.

– Понимаю, – ответил Игорь. – Но у меня ситуация тако-

ва: надо просто застать обоих моих товарищей дома. Это потребует максимум трех дней. Дальше – мы готовы.

Шелепин прикинул что-то, пошевелил губами. И твердо положил на стол руку ладонью вниз.

– Григорий, ты молодец, толкового человека нашел. Значит, Игорь, ты собираешь своих помощников, а потом вас находит Григорий. Вся связь – через него.

– Договорились.

На этом разговор Игоря Мотина и Эдуарда Шелепина закончился. И началось развитие запущенного в реализацию замысла.

* * *

Те двое, о которых говорил Игорь, были его давними знакомыми. Оба – люди с нормальными, крепкими нервами, всегда готовые преступить те дурацкие буковки, которые по недоразумению считаются в этом обществе законами. Немаловажным моментом при всей их авантюристности было то, что ни Андрей, ни Роман никогда не попадались и не сидели за решеткой. То есть, случись органам пытаться их опознать, вышло бы далеко не так просто, как хотелось бы ментам.

Для того, что задумал Шелепин, Андрей и Ромка подходили идеально.

Говоря о трех днях, которые нужны для сбора людей, Игорь покривил душой. На самом деле при желании он мог

уже к вечеру предъявить Эдуарду команду, готовую действовать. С другой стороны, зачем поспешность в таких делах? Надо пообщаться с товарищами и будущими компаньонами, выбрать линию поведения. Немаловажно и то, что стоит обсудить свои действия на тот случай, если все это окажется подставой.

Короче, требовалось немедленно поговорить с Андреем и Романом.

Они согласились приехать к нему сразу же и без вопросов. Наверное, почувствовали что предстоит важное дело, требующее вдумчивого обсуждения. И в глубине души каждый ожидал от Игоря именно такого разговора.

Добирались они с разных сторон, из разных районов, но прибыли вместе, как будто бы так и надо. Игорь поздоровался с молодым, резким в движениях Андреем, чуть крепче сжал руку плотного, массивного Романа.

Уселись на кухне. Игорь, заварив традиционный чай дегтярной крепости, стал говорить:

– Значит, так. Есть человек, который хочет, чтобы мы поработали на него. Дело щекотливое и достаточно опасное. За то, что мы рискуем своими задницами, мы не просто получаем фиксированную сумму, а процент. То есть входим в долю.

– А что надо сделать? – спросил Роман. Андрей подтвердил этот вопрос внимательным взглядом.

– Надо обчистить ювелирный магазин.

– Какой? – удивился Андрей.

– Пока неизвестно. Скоро скажут.

– Интересно. Это же просто кот в мешке, – с сомнением заметил Роман.

– Ну, в общем, похоже, – кивнул Игорь. – Однако мы должны сначала дать свое согласие. Только тогда мы в деле. Если видим, что задание нам не по зубам, – отказываемся. Если понимаем, что игра стоит свеч, – участвуем.

– Вот это звучит уже получше, – успокоился Роман.

– Я так понимаю, мы должны ответить тебе, подписываемся или нет? – спросил Андрей.

– Да. Я должен знать – рассчитывать на вас или искать кого-то еще, – подтвердил Игорь.

Андрей и Роман переглянулись. Повисла непродолжительная пауза. Игорь чувствовал, что все складывается именно так, как ему хотелось. В эти минуты Андрей и Роман не столько прикидывали, стоит ли принимать участие в затеянном, сколько боролись с мальчишеским желанием немедленно заявить, что они готовы. Это было неудивительно – Игорь всегда прекрасно подходил в качестве так называемого «харизматического лидера». Он умел нравиться тем, с кем предполагалось работать вместе. Даже чеченские командиры, отнесившиеся к наемникам не слишком-то тепло, для Мотина делали исключение. Он был уважаемым человеком в любой ситуации. Что, правда, не выходило за рамки его имиджа. Когда он отстал от отряда и буквально вляпался в дерьмо – это, конечно, не складывалось в героический образ. С другой

стороны, этого никто и не видел. А для лидера-харизматика важнее всего именно то, что видят другие.

– Ну, в общем, мы с тобой, – сказал Роман после того, как пауза все-таки закончилась.

– Я в этом совершенно не сомневался, – кивнул Игорь.

– А чего сомневаться-то? – искренне удивился Андрей. – Понятно же, что с тобой можно настоящим делом заняться и в люди выбиться.

Мотин мысленно хмыкнул. Понятно, что у него есть некоторый, скажем так, позитивный опыт авантюрной жизни, при этом – он до сих пор жив. Значит, определенное количество ловушек, расставляемых судьбой на этом непростом пути, он сумеет почуять и провести мимо них. Но вот на то, чтобы всерьез просчитать не только возможные, но и неожиданные ловушки Игорь не тянет.

С другой стороны, войско не должно знать о колебаниях и сомнениях полководца. Иначе сражение будет проиграно еще до того, как начнется.

– Вот и хорошо. Значит, я тогда связываюсь с нашим работодателем и говорю, что мы готовы рассмотреть его... вакансию.

И они засмеялись тому, как смешно звучит обыденная терминология в отношении неординарного занятия. Ну, с другой стороны, а что прикажете? Как формулировать мысль? «Я побакланю с нашим паханом, скажу, что надо просечь фишку!» – так, что ли? Вроде минули такие време-

на. И дай бог, больше не возвратятся.

Подумав, что еще есть целых два дня на то, чтобы немного посмотреть по сторонам, Игорь сказал:

– Значит, пока мы вот что знаем: ювелирный магазин, который нам предстоит брать, принадлежал некоему Виктору Горчакову. Его не так давно убили. Так вот, я предлагаю быстренько узнать, что за контора была у этого жмурика и как называются точки, ей принадлежащие. Ну и заодно приглядеться к ним, понять, за кого нас держат – за самоубийц или за нормальных людей. Понятно?

Роман и Андрей кивнули. Вопросов относительно того, как добывать информацию, ни у кого не возникало. Благо живем в век высоких технологий, а ювелирный магазин – это вам не режимное предприятие с трехэтажной системой пропусков.

– Андрей, ты у нас самый подкованный технически, – сказал Игорь, – сделай милость, посмотри в Интернете, что там есть по поводу этих ювелирных магазинов. Хорошо?

– Посмотрю, – кивнул Андрей.

– Когда будет информация – пройдемся возле этих магазинчиков, прикинем, что к чему, – подвел Игорь итог «предварительному брифингу».

Романов несколько не боялся того, что предстоит. Он, никогда не работавший, что называется, «в поле», не был трусом. И всерьез полагал, что раз уж где-то в штатном расписании его фирмы (а равно и нештатном), числятся профес-

сионалы боевого и разыскного ремесла, то есть надежда, что хлеб свой они едят не зря.

Мост был совсем рядом. Обыкновенный, четырехполосный, с бетонным ограждением. Внизу, под мостом, – железнодорожная ветка на Смоленск. Вокруг на полкилометра относительно глухо. Собственно, и особенного населения тоже не наблюдается. Только и есть что какие-то пакгаузы дальше по железке в сторону Москвы. Ну, и дома тоже виднеются, однако так, фоном, задним планом. Настолько задним, что принимать их во внимание есть смысл только условно.

Водитель, не доезжая моста, бросил машину на узкую боковую дорожку, ведущую, судя по всему, к железной дороге и предназначенную для технического транспорта. Уж во всяком случае, рассчитывалась она не на «мерседес». Очень красноречивым свидетельством тому стал ухаб, на котором «мерин» тряхнуло так, что Романов врезался головой в потолок салона. Юрий Павлович болезненно замычал, сильно прикусив язык.

– Извините, – сказал водитель, но сами видите, куда выехали.

В ответ на эту неискренне-покаянную фразу шофера Романов промычал что-то успокоительное.

Машину продолжало трясти, пару раз по боковым стеклам чиркнули ветки кустов, стоящих вдоль узенькой ленточки из отвратительно старого асфальта, только у нас в стране называющегося «дорогой».

– Думаешь, они сюда тоже поедут? – невнятно спросил Юрий Павлович – язык отказывался пока что ворочаться так, как надо.

– Ну вроде волоклись следом. Так что могут и свернуть. Хотя тут скорее нам надо к железке прорваться, а там их уже в любом случае накроют.

– А что возле железной дороги? – спросил Романов.

Водитель коротко засмеялся.

– Да ничего особенного. Можно сказать, кавалерийский полк в засаде!

Романов не удержался от встречного смешка. Ну да, знаем мы этот ваш полк. Небось десяток ребят покрепче по местности рассредоточен. И у каждого – что-то не самого малого калибра.

Водитель снова нажал кнопку вызова на телефоне.

– Ну что там у вас? – спросил он, послушал ответ и резко нажал на тормоз. Отключился, повернул к Романову лицо, расцвел победной улыбкой.

– Ну все, абзац: берут охламонов! Они за нами тянулись, как привязанные. Мне сказали, что вам уже можно выйти и посмотреть.

Романов, естественно, не упустил возможности. Он открыл дверцу, критически посмотрел на то, что творилось под ногами, посочувствовал своим дорогим ботинкам и решительно зашагал туда, где происходило что-то очень негуманное. Во всяком случае, доносившееся криканье и уханье не

располагало к иным мыслям.

Романов вышел из-за поворота и увидел, что «ауди» стоит со всеми четырьмя дверцами, распахнутыми настежь. А ее экипаж в количестве четырех человек вырывается из рук доброго взвода людей под предводительством Болеславского. Романов подошел ближе, пожал Ивану руку и спросил:

– Это где же ты столько народу-то набрал, скажи на милость?

– Это практически все, кого мы можем поднять при необходимости, – ответил помощник.

Романов покачал головой.

– Я думал, у нас меньше бойцов. Слушай, а под каким видом ты их держишь в режиме, скажем так, мирного времени?

Болеславский ответил:

– Кто как. Некоторые в наших магазинах работают. Охранники, грузчики. Получают официальную зарплату, а при необходимости выкапывают томагавки. Десяток – это штатная охрана. Я сегодня их всех сорвал с места.

– Ага, типа начальник пропадает? – усмехнулся Юрий Павлович.

Болеславский, явно не одобряющий иронии в данном случае, развел руками.

– Ладно, не дуйся. Ты молодец, правильно делаешь. Ну, пойдем поговорим с нашей новой добычей.

И Романов пошел к захваченным людям из «ауди»-преследователя.

По виду типичные «солдаты», без всякого намека на серьезный интеллект. Но кто же будет доверять внешности, если сам Юрий Павлович видел очень умных людей, выглядевших неандертальцами, несвоевременным проявлением тупиковой ветки эволюции. При том их мозг по скорости действия и способности работы с информацией не уступал добротному суперкомпьютеру. И напротив, как часто тот, у кого в глазах светится глубочайший ум, на поверку оказывается дурным как пробка. Да в конце концов, у коровы тоже очень умные и глубокие глаза в противоположность крысе с ее невыразительными черными бусинками. А сравните, кто из них умней...

Романов остановился, посмотрел каждому в лицо. Он ожидал встречной злости, может быть – страха. Но нет, если что-то и читалось в глазах у схваченных преследователей, так это легкая ирония. Они верили в собственную силу даже сейчас, когда достаточно одного слова... да что там – одного жеста, и их земное существование прервется.

И это было очень любопытно. Кто-то стоит за ними, за этими четырьмя бойцами, и его воли, его влияния достаточно, чтобы они даже сейчас оставались людьми, а не червяками.

Или они все-таки настолько тупые, что даже не понимают, что произошло и чем им это грозит. Хотя вряд ли. По идее, настолько глупых людей не бывает.

– Ну что, знакомиться будем? – ничего не выражающим

голосом спросил Юрий Павлович. Ему ответил один из схваченного квартета – коренастый лысый здоровяк с трехдневной щетиной на лице. Романов его так и окрестил для себя: Лысый.

– Можно и познакомиться. Мы же не знаем, с какого угара на нас наехали твои архаровцы?

– И почему я не верю в то, что не знаете? Подскажи, приятель? Может, рожа мне твоя не нравится или погода сегодня неправильная?

– А что рожа? – притворно обиделся Лысый. – Ты на свою вон посмотри. Ничем не лучше! Но мы ж тебя не хватали толпой!

Романов заметил, что в этот момент выражение глаз Лысого чуть поменялось, промелькнуло в них нечто сродни сожалению. Дескать, вот не схватили, не успели. Тогда, глядишь, не ты бы сейчас кочевряжился тут перед нами.

– Ребята, давайте без мути, хорошо? Вы со мной вместе такое расстояние намотали, что, мама, не горюй. И если вы скажете, что это совпадение, я рассержусь, – продолжил Романов.

– Совпадение, точно тебе говорю! – глумливо воскликнул Лысый. А кто-то из его подельников немедленно отреагировал на это гнусавым смешком.

Определенно ребята немного перестарались, изображая из себя смельчаков! Юрий Павлович коротко кивнул тем, кто держал засмеявшегося. На неосторожного пленника по-

сыпались короткие профессиональные удары. Живот, корпус – лицо не трогали. Пока не трогали...

Пленник держался неплохо, наверняка умел принимать удары... Но у любой прочности есть предел, и скоро он был превышен. Пленник охнул, когда прямой удар ногой в живот пробил его пресс. Тут же пропустил, уже расслабившись, еще два тумака в солнечное сплетение. В итоге на руках у державших крепышей повис слабо дергающийся мешок плоти. На человека этот мешок тянул крайне условно.

– Итак, – сказал Романов, – я повторяю вопрос: с какой целью вы меня преследовали?

Лысый на этот раз промолчал.

Романов вопросительно поглядел на Болеславского. Тот понял, о чем хочет спросить босс, и ответил:

– В машине нашли «калашников» с полным магазином. Больше ничего не было. Но...

Он не договорил, и так все было понятно. Правильно, зачем нужны лишние стволы, когда из АКМа можно распотрошить «мерина», как ржавую консервную банку, а пассажиров покрошить в мелкий салат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.